

Воспоминания о Юлии Владимировне Ивановой

**А.А. Новик, Л.В. Покровская, А.Н. Ямсков, А.Н. Кожановский, В.И. Козлов,
А.А. Улунян, Г.Л. Арш**

*Юлия Владимировна Иванова: жизнь, отданная
Балканам (светлой памяти учителя, коллеги и
друга)*

А.А. Новик

Впервые я познакомился с Юлией Владимировной Ивановой заочно, читая ее статьи по Албании в пухлых энциклопедических справочниках. Это было в начале 1980-х годов. Школьная программа предполагала подготовку рефератов по разным странам мира. Албания входила в формальный список социалистических стран, а следовательно, по ней стоило подготовить какой-нибудь реферат. С этой далекой страной у нас не было даже дипломатических отношений, а информация, которой мы располагали, была очень скудной. Понятно, никто из учеников класса, в котором я учился, не хотел брать на себя подготовку данного материала. А меня почему-то это не остановило. Я решил подготовить реферат по этой балканской стране.

Совершенно неожиданно для себя я обнаружил, что в солидных изданиях Академии наук СССР и энциклопедиях разных лет есть большие и интересные статьи об Албании. Это несколько не вязалось с информационным полем советской прессы. В те годы у нас об Албании появлялась одна или максимум две статьи, выходившие в центральных газетах к национальному празднику Албании в конце ноября и подписанные одной и той же фамилией (значительно позже я узнал, что это был псевдоним

Александр Александрович Новик — кандидат исторических наук, заведующий отделом этнопедагогики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

нашего дипломата, много лет занимавшегося Балканами). Скупость сведений в прессе целиком покрывалась разносторонней информацией в статьях Ю.В. Ивановой, которые можно было прочитать в любой библиотеке Советского Союза, куда шла рассылка академических изданий (смею лишь напомнить, что в те годы энциклопедии и справочники попадали в каждую библиотеку). И статьи об Албании открывали целый мир. Горные долины, грозные перевалы, иллирийские крепости, кварталы городских ремесленников, шумные базары, канун горцев, сложная система брачных отношений, традиционная одежда, звуки крестьянской волынки – все это на фоне чередующихся эпох. Статьи автора с распространенной русской фамилией Иванова, вызывали живые картинки прошлого: греческие колонии на берегах Адриатического и Ионического морей, римские легионы, грандиозные развалины неприступных крепостей, роскошь византийских храмов, стрелы белоснежных минаретов, пронзающие ярко-синее южное небо, торговые суда венецианских купцов, турецкая конница, штурмующая каменные цитадели, миссии русских консулов, героические восстания, флаг независимости, антифашистское сопротивление, созидание суверенного государства, успехи экономики, достижения культуры. Даже не верилось, что на такой маленькой территории могло быть столько всего интересного и судьбоносного.

Мой реферат, к слову, получился тогда неплохим, слушали его целый урок. А интерес к стране с моей стороны после заслуженной “пятерки” не угас. Прошли годы. И я решил поступать на филологический факультет Санкт-Петербургского (тогда Ленинградского) государственного университета. Мне хотелось изучать язык какой-нибудь “экзотической” страны. Я не знал, что именно буду изучать, но предметом моих штудий должен был стать непременно какой-то редкий язык. И решение было подсказано, безусловно, соприкосновением с албанским миром, происшедшим благодаря публикациям Ю.В. Ивановой.

На албанском отделении университета произошло мое второе знакомство с этнографом Ю.В. Ивановой. Я узнал, что зовут ее Юлия Владимировна. Труды по этнографии народов балканских стран, написанные ею в разные годы, считались классикой научной мысли. Их рекомендовали к чтению. При этом Юлия Владимировна была живым и доступным классиком. Но тогда это не удивляло. С первого курса у меня преподавала Агния Васильевна Десницкая (1912–1992), признанный авторитет. Именно благодаря ее усилиям в 1957 г. было открыто отделение албанского языка и литературы, ставшее уникальной школой албанистики, признанной во всем мировом научном сообществе. Агния Васильевна во время своих лекций по албанскому и балканскому фольклору, по страноведению, литературе постоянно делала ссылки на работы Ю.В. Ивановой. А.В. Десницкая жаловала далеко не всех. А здесь она давала понять, что в албанской филологии она – мэтр, а все, что касается этнографии Албании, – там самый большой авторитет Юлия Владимировна.

Ю.В. Иванову традиционно приглашали читать лекции в Санкт-Петербургский государственный университет. Кроме нее никто не мог читать этот курс (в Ленинграде–Санкт-Петербурге не было других специалистов). И Юлия Владимировна с удоволь-

ствием соглашалась приезжать и читать лекции нам, студентам-албанистам. Мое третье знакомство с Юлией Владимировной произошло в 1988 г., когда она приехала осенью читать нам курс этнографии. Было интересно увидеть человека, о котором много слышал и труды которого читал еще в школьные годы. Тогда Юлия Владимировна произвела неоднозначное впечатление. Она была уже в возрасте. Держалась с большим достоинством. Одежда на ней была классически строгой – костюм и белоснежная блузка с кружевным воротником. В голосе иногда проскальзывали капризные нотки. Но на лекциях, которые проводились после основных занятий по расписанию, она совершенно преображалась. Взгляд ее загорался, голос начинал звучать звонко, она сыпала цитатами и сравнениями. Слушать ее было потрясающе интересно!

Ее спецкурс был плодом многолетнего труда. Он касался почти всех балканских стран. Но большую часть времени она посвящала Албании и Греции. Эти страны являлись ее нескрываемой страстью. Методика ее преподавания была уникальной. Перед началом занятия она развешивала карту с маршрутами своих странствий по Балканам. Далее доставала огромную пачку фотографий и иллюстраций. Затем вынимала из сумки полевые дневники и конспекты лекций. Но смотреть в эти конспекты ей было не нужно. Когда она рассказывала об обычном праве албанцев, она приводила свои примеры бытования кануна. Ей не нужно было ссылаться на работы албанских ученых или западных исследователей. Она жила в горных селениях, где действовали нормы обычного права. А потому знала все лучше других. Когда она начинала рассказывать о прикладном искусстве Балкан, то могла запросто вытащить из сумки какую-нибудь замысловатую вещицу, показать ее нам, объяснить, что это такое, и рассказать, на какой сельской ярмарке ей довелось это купить.

Албания из далекой, совершенно закрытой для нас страны превращалась в близкую и понятную. Греция, классическая страна богов и героев, столь знакомая нам по книгам детства, вдруг неожиданно превращалась в простую и уютную балканскую страну, где пастухи пасут коз и овец, а рыбаки выходят на промысел кефали. Любой вопрос, с которым мы обращались к Юлии Владимировне, лишь демонстрировал неподдельный интерес к ее лекциям, а потому не бывал оставлен без ответа и подробнейших разъяснений. Она рассказывала нам об аромунгах, при этом пуская по рядам фотографии, сделанные ею на горных тропах между Албанией и Грецией. На фото были аромунские пастухи, перегонявшие стада с зимних приморских пастбищ на летние альпийские луга. Мы спрашивали о Боснии и Герцеговине. И она терпеливо разъясняла нам, что мусульманин – это здесь этноним. И дальше шел подробнейший рассказ об этногенезе народов, проживающих на западе Балкан. Мы спрашивали о Косово – и слышали рассказ о жизни края, существенно отличающийся от того, что принято в официальной сербской или албанской науке. И этот рассказ базировался на собственных научных изысканиях и многолетних наблюдениях. Когда речь заходила о ювелирном искусстве Балкан, Юлия Владимировна могла показать изысканное серебряное колечко, приобретенное в *дюкяне* мастера, работавшего еще дедовским инструментом.

Группа, в которой я учился, была весьма непростой. В дальнейшем все добились многого в разных сферах. Но уже тогда, в студенческие годы, мы не потерпели бы непрофессионализма или какой-то фальши. Лекции Юлии Владимировны нами были восприняты просто на ура. С того самого времени завязались наши личные отношения.

Гертруда Иосифовна Эйнтрей (1929–2003), заведовавшая албанским отделением, посоветовала мне просить Юлию Владимировну Иванову стать моим научным руководителем курсовых работ, а в дальнейшем и диплома. Юлия Владимировна выслушала мою просьбу с интересом, но, как мне показалось, весьма строго. “А что у Вас написано? Что конкретно Вас интересует в этнографии?” Мне, студенту 2-го курса, было еще сложно определиться в своих научных интересах. И я ждал подсказки. Юлия Владимировна, напротив, ожидала самостоятельных действий. Вначале такой подход смущал. Лишь спустя годы мне стало понятно, что Юлия Владимировна пыталась приучить мыслить и искать свой путь самостоятельно. Во всем остальном она готова была оказать полную поддержку. Встретившись с Юлией Владимировной через год, я смог сформулировать свои интересы. Она живо откликнулась и принялась рекомендовать необходимую литературу и подсказывать методику исследования. Нас разделяло расстояние между Петербургом и Москвой. Но она на протяжении всего времени нашего знакомства никогда не медлила с отзывом на любую просьбу о помощи. Я возил к ней свои рукописи. Она их внимательно читала, разбирала и давала советы.

О Юлии Владимировне как о научном руководителе стоит поговорить особо. Когда она вернула мне мой опус в первый раз, я ахнул. На каждой странице и почти в каждом абзаце “краснели” многочисленные исправления. У меня мелькнула мысль, что у нас не сложится дальнейшая работа – ведь мой “гениальный” труд так нещадно исправляется и корректируется. Однако, сев за стол и выслушав ее подробнейший разбор моего текста, я вынужден был почти полностью согласиться с правкой. В тех местах, где Юлия Владимировна была не совсем уверена, она не настаивала – оставляла право выбора. Но ее опыт, знания, богатейший запас сведений и талант врожденного исследователя являлись безупречными катализаторами, способными выявить любую шероховатость рассуждений, искажения фактологического материала и небрежность текста. Мне было всегда спокойно при написании работы – если что, Юлия Владимировна подскажет и даст совет. При том сделает это профессионально и доброжелательно. К каждой работе она прилагала аккуратно пронумерованные страницы замечаний. Я до сих пор храню их, так как они являются образцом анализа научного текста. Самая скромная курсовая работа становилась для моего научного руководителя поводом для серьезной научной редакторской работы. С 1992 г., после поступления в аспирантуру МАЭ РАН, я стал преподавать в Санкт-Петербургском государственном университете. И могу сказать с уверенностью: ни я, ни большинство моих коллег не подходим, к большому сожалению, так серьезно и с такой самоотдачей к работе со студентами и их научными изысканиями.

А пока нам предстояли с Юлией Владимировной еще долгие годы совместной работы. Я помню свой первый визит в ее московскую квартиру. Это было в 1990 г. Формально моей студенческой работой руководила Гертруда Иосифовна Эйнтрей, а реально курировала работу Юлия Владимировна (так было необходимо чисто из-за технических формальностей). Я приехал в Москву поздней весной, остановился у своего московского друга и повез написанные от руки страницы курсовой Юлии Владимировне. Она любезно встретила меня, показала свою обширную библиотеку и направила в кабинет смотреть нужные мне книги. А сама принялась за чтение.

Библиотека Ю.В. Ивановой также заслуживает особого внимания. Юлия Владимировна стала заниматься Албанией и Балканами очень рано, сразу после Второй мировой войны. Уже в 1946–1947 гг. она штудировала литературу по балканской этнографии. Тогда же между Советским Союзом и Албанией были установлены самые тесные политические, экономические и научные связи. Становление албанской науки и образования происходило именно в эти годы. В Албании начали выходить научные журналы, печатался бюллетень Тиранского университета и т.д. Все эти издания, начиная с первого номера, были собраны в библиотеке Юлии Владимировны. Через некоторое время албанонология стала развиваться в Югославии, в Косово. С тамошними учеными у Юлии Владимировны также установились крепкие научные отношения. Все, что выходило в Югославии об албанцах и их культуре, сосредоточивалось в домашней библиотеке Ю.В. Ивановой. Я не говорю уже о работах и исследованиях немецких, французских, греческих, болгарских, македонских, черногорских, хорватских и других коллег. В начале 1960-х годов произошел разрыв отношений между Советским Союзом и Албанией. Поступление книг и журналов из Албании в отечественные библиотеки прекратилось. Они попадали исключительно на полки спецхранов. А в 1970-е годы они перестали поступать и в систему спецхрана. Получить доступ к албанской научной периодике и прочим материалам стало практически невозможно. Я помню, как в студенческие годы приходилось получать пропуск в эти изолированные комнаты при крупнейших библиотеках. А в домашней библиотеке Юлии Владимировны найти можно было практически все – ее личные связи с иностранными учеными позволяли получать все номера журналов и вышедшие монографии в Албании и Югославии. Такой подборки научной албаноязычной периодики и монографий, как в домашней библиотеке Ю.В. Ивановой, нет даже в самых крупных отечественных библиотеках, таких как Библиотека Академии наук или Российская Национальная библиотека.

Для работы над любой темой по албанистике не нужно было отправляться на мучительные поиски в отечественные книгохранилища. Достаточно было попасть в библиотеку Юлии Владимировны. Она это прекрасно знала и всегда готова была выдать любую книгу и предоставить любой справочник. Кстати, книги она всегда выдавала, отмечая у себя в блокноте – кому, что и когда выдала. Благодаря этому ей, видимо, и удавалось сохранить уникальную библиотеку без лакун и потерянных номеров. Кроме того она ревниво относилась к тому, если вдруг у нее не было какой-то

албанской книги, а у меня она появлялась. Помню, в 1988 г. в Тиране вышла солидная монография Андромачи Гьерги, посвященная албанскому костюму. Это было время полной изоляции Албании. Получить оттуда что-нибудь свежее из литературы было практически нельзя. Мне эту книгу привезла моя одногруппница, болгарка Русана Василева-Христова, вышедшая замуж за албанца и имевшая возможность бывать в Албании. Юлия Владимировна попросила у меня эту книгу, год держала у себя, а потом вернула, удивляясь, почему ей все-таки не передали такую монографию. Каждая страница книги была ею проштудирована. Она выписала из нее массу сведений. Несмотря на то, что албанский костюм стал темой моей дипломной, а позже диссертационной работы, я подозреваю, что Юлия Владимировна изучила этот труд более подробно и вдумчиво, чем я, который, по определению, должен был его хорошо знать. Так Юлия Владимировна поступала со всеми книгами и статьями об Албании, попадавшими ей в руки. Ей было совсем не известно поверхностное знакомство с литературой – если она что-то брала в руки, то читала и внимательно анализировала, делая многочисленные выписки.

Мне вспоминается и другой случай, связанный с книгами. В середине 1990-х годов мои друзья, албанцы из Македонии Сефер Муслиу, Даут Даути и Афет Мифтари, съездили, воодушевившись моими рассказами, в албаноязычные села Украины. По собранным материалам они написали и издали книгу в Скопье. Юлия Владимировна, по праву считавшаяся мэтром и одним из открывателей темы албанской диаспоры в Приазовье и Причерноморье, была очень недовольна, что ей не прислали эту книгу. Узнав, что мне ее подарили, попросила почитать. Но отдавать не стала – сказала: “Пусть Вам еще одну подарят. Мне она нужна!” Сердиться здесь было нельзя. Она, действительно, должна была иметь эту книгу в своей библиотеке – ведь она столько сделала для разработки темы.

Библиотека Юлии Владимировны была тем неисчерпаемым кладезем, в котором можно было найти сведения по любому интересующему вопросу. А сама хозяйка библиотеки могла дать любые дополнения и ссылки на то, чего не было даже в ее богатейшей библиотеке. На долгие годы я был привязан к книгам и журналам, хранящимся в этой уютной московской квартире. Расстояние между нашими городами не было помехой. Обычно я отбирал увесистую сумку самых необходимых книг и увозил их для прочтения дома, в Петербурге. Журнальные статьи прочитывались мною прямо у Юлии Владимировны. Все, что можно было просто просмотреть и проанализировать, я просматривал у книжных шкафов. Для знакомства с книжными богатствами мне понадобились годы. Но меня всегда удивлял следующий факт. Что бы я ни брал с полки, будь то монография или статья в периодическом издании, все имело подробные пометки и примечания, сделанные карандашом рукой Юлии Владимировны. Ее аккуратный почерк был легко узнаваем. Меня не переставало удивлять – все это она читала! И как читала!

Тот первый свой визит в дом к научному руководителю я помню хорошо – и не только из-за научной атмосферы. Оставив меня работать с книгами, Юлия Владимировна

удалилась читать мою рукопись. Спустя несколько часов чтения и обсуждения со мной некоторых деталей она удалилась на кухню и стала что-то стряпать. В скором времени она пригласила меня пообедать. Эта сторона жизни требует особого рассказа. Стол был сервирован на двоих. Сервирован был первоклассно, как в лучшем ресторане. Стояли подставочные тарелки, лежали приборы, салфетки. Поразительным было то, что массивные мельхиоровые ножи и вилки лежали на специальных подставках. Кто в современном быту это использует? Но Юлия Владимировна была особым человеком. Этикет соблюдался ею всегда неукоснительно. Мы долго, без спешки, пообедали с Юлией Владимировной. Салат сменился супом, потом последовала горячая закуска, затем основное горячее блюдо. Затем был десерт, чай. Наша трапеза сопровождалась бурным обсуждением каких-то научных проблем. Но меня совершенно пленила атмосфера этого дома. Некоторая старомодность манер и чрезвычайная этикетность обхождения хозяйки были тем эталоном интеллигентного поведения, который стал утраченным большинством даже ее сверстников, не говоря о представителях молодых поколений. Она была всецело представителем старой школы интеллигенции – с хорошими манерами, правильной осанкой, грамотной речью, интересными цитатами, правилами организовать быт и жизнь.

Мой интерес к национальному этикету привел к тому, что в последние годы я читаю различные курсы по этикету – этническому, светскому, деловому, корпоративному и т.д. Читаю в разных аудиториях – в государственном университете, имидж-агентстве, на двух программах MBA (Master of Business Administration) и т.д. Читая свои курсы студенчеству и бизнес-сообществу, я понимаю с каждым годом все более, насколько Юлия Владимировна была светским и этикетным (в высшей степени!) человеком. У нее никогда не было затруднений в самых различных жизненных ситуациях. Она знала, как и в какой посуде надо подать то или иное блюдо, как его правильно съесть, как должен быть повязан галстук у джентльмена, что надеть на прием к министру, как правильно представиться президенту – и не компании, а страны! Я думаю, у нее было прирожденное чувство такта и приличий. Такие мысли, возможно, идут вразрез с постулатами педагогики, но, зная Юлию Владимировну много лет, я могу утверждать, что она была от природы дипломатом и целителем, пионером и страстным человеком, светской дамой и душевным другом.

Второй раз я приехал домой к Юлии Владимировне опять со своей рукописью. Она предоставила в мое распоряжение свою библиотеку, а сама удалилась читать текст. Так, в двух соседних комнатах мы занимались делом – в общем, албанистикой. Книжки в библиотеке были столь увлекательными, что я и не заметил, как пролетело время. Занятие Юлии Владимировны, должен признать, не было столь занимательным – читать студенческий текст! Однако она не сдавалась. Мы обсуждали возникавшие вопросы. И вечером она неожиданно предложила: “А Вы не хотите остаться ночевать у меня? Вам ведь надо уже уезжать, а завтра утром опять приезжать ко мне. Зачем напрасно тратить время?” Я не без стеснения согласился. Чтобы больше успеть просмотреть, надо экономить время на разъездах. С тех пор я перестал оста-

навливаться в центре столицы, на улице Чайковского, а стал прямо с вокзала отправляться в дом Юлии Владимировны на Вавилова. В этом доме, построенном в 1950-е годы для сотрудников издательства “Большая советская энциклопедия”, меня вскоре стали узнавать соседи.

Жить в одном доме с Юлией Владимировной было комфортно и интересно. Она всегда была радушна и гостеприимна. А уж как интересно было с ней беседовать! Чего только она не рассказывала. О своих странствиях в 1950-е годы по горным тропам Албании, о греческих островах, о далекой и малоизвестной еще каких-то 15 лет назад Турции, о правителях Черногории, об албанских подводных лодках, о ремесленниках в старом Скопье, о секте бекташи на Балканах и еще о многом и многом удивительном. При этом рассказы зачастую не были научным изложением, а живыми воспоминаниями о собственных впечатлениях и увиденном в разные годы. Меня поражало, сколько всего видела и анализировала Юлия Владимировна. Но такими же интересными были ее научные комментарии. Ей можно было задать безобидный вопрос на какую-нибудь тему, а в ответ получить развернутый ответ с массой информации, достаточной для справочника. Постепенно беседы у нее в кабинете или посиделки на кухне стали столь необходимыми для меня, что где бы меня не носило по Балканам, я всегда стремился попасть в этот дом на Вавилова и поделиться с Юлией Владимировной увиденным и услышанным.

Занятия Балканами существенным образом отразились на многих чертах Юлии Владимировны. Погрузившись на много часов в штудии, она вдруг могла резко оторваться от книг и материалов и весело сказать: “Не пора ли нам прерваться и выпить кофе, как это делают наши балканцы?” Я всегда был готов с радостью откликнуться. Юлия Владимировна варила в старинном джезве кофе для меня, себе в последние годы она чаще наливала чай – и мы пускались в мир воспоминаний о путешествиях и странах. Мне она всегда предлагала покурить. И всегда разрешала курить в своем доме, чего я не всегда любил делать, чтобы не мешать хозяйке дымом. Сама Юлия Владимировна не курила, насколько я помнил. Хотя в молодые годы, как я узнал очень поздно, она тоже баловалась табачком. Она была из военного поколения – и это было понятно. В доме Юлии Владимировны всегда были пепельницы, а также бывал запас сигарет и зажигалка для гостей. Она любила рассказывать историю, как однажды в советские годы она принимала гостей с Балкан. И у гостей закончились сигареты, они попросили сигарет у хозяйки. Она развела руками и ответила, что не курит, а потому и дома у нее табака нет. Один из гостей очень удивился и рассердился. Обычно в любом доме на Балканах есть сигареты, даже если хозяева не курят – ведь предложить табак гостю требуют правила гостеприимства. Юлия Владимировна не заставила себя долго ждать. Она быстро оделась, вышла из дому, купила сигареты и вернулась к гостям. Албанский друг не посчитал это даже каким-то особым одолжением. С тех пор Юлия Владимировна старалась всегда иметь в запасе пачку-другую на подобный случай.

В 1990 г., будучи в Москве, я получил от Юлии Владимировны рекомендатель-

ные письма для Рудольфа Фердинандовича Итса и Александра Вильямовича Гадло. Она считала, что мне нужно познакомиться с этими учеными. Письма она написала летом, перед моим отъездом в Болгарию и Югославию. Когда я вернулся из поездок в Петербург, то пришел в Кунсткамеру, чтобы встретиться с Рудольфом Фердинандовичем. На вахте музея мне сказали, что я опоздал – Рудольф Фердинандович Итс ушел из жизни. Это был печальный год. Умерли Р.Ф. Итс, Ю.В. Бромлей. Отечественная этнография осталась без значимых и уважаемых фигур, с которыми у Юлии Владимировны были многолетние и хорошие отношения. С заведующим кафедрой этнографии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета А.В. Гадло я встретился, передал рекомендательное письмо Ю.В. Ивановой, и с этого момента у нас завязались крепкие научные и если даже не дружеские, то, во всяком случае, очень товарищеские отношения.

В 1992 г. я защищал диплом в университете. В дни майских праздников я привез свой опус Юлии Владимировне. Мы обсуждали и исправляли текст неделю. Оставалось несколько недель до защиты. И я помню, как Юлия Владимировна отложила все свои научные и педагогические дела и полностью погрузилась в мой диплом. Защита прошла очень хорошо. В том же году я поступил в аспирантуру Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Юлия Владимировна стала руководителем моей кандидатской диссертации. Расстояние между столицами не мешало нам живо обсуждать возникавшие вопросы. Я ездил в Москву. Юлия Владимировна приезжала в Санкт-Петербург – она читала лекции на филологическом и историческом факультетах Санкт-Петербургского государственного университета. Александр Сергеевич Мыльников (1929–2003), возглавлявший в то время Кунсткамеру и отдел общих проблем этнографии, стал курировать мою работу и отстаивать мое право иметь научного руководителя в другом городе (многие тогда возражали – зачем руководитель в Москве, когда есть свои ученые?).

Летом, после окончания университета и перед вступительными экзаменами в аспирантуру, мне удалось съездить в Албанию. За год до этого между нашими странами были восстановлены дипломатические отношения – это произошло благодаря политическим изменениям в наших государствах. Юлия Владимировна с большим интересом слушала мои рассказы. Она не была в стране, которой посвятила всю свою жизнь, более 30 лет. Она задавала вопросы, интересовалась всем, что касалось жизни людей. Я увидел Албанию совсем не такой, какой представлял ее прежде. Страна пережила коллапс распада социалистической системы и не перешла еще на рельсы рыночной экономики. Юлию Владимировну интересовали все самые незначительные штрихи жизни – и из ее вопросов я понимал, насколько хорошо она знает Балканы.

Следующая моя поездка на Балканы была в 1994 г. И Юлия Владимировна также ждала моих рассказов. Я привозил ей книги и журналы. Она давала мне рекомендации для албанских ученых и просто ее знакомых – ведь в чужой стране любые связи могут быть исключительно полезными. А Албания для Юлии Владимировны не была чужой. Те классики этнографии, по чьим работам я учился, были близкими друзья-

ми Юлии Владимировны. Меня никогда не оставляло чувство удивления, насколько хорошо она знакома с таким количеством людей в балканских странах. И как хорошо о ней все отзываются! С Роком Зойзи, основоположником албанской этнографии, она подолгу бывала в экспедициях. Я, к сожалению, в первый свой приезд не смог с ним встретиться – он тяжело болел. Я передал ему через родных лишь письма от нее. С Афердитой Онузи, директором Института народной культуры (аналогом нашего Института этнографии) Академии наук Албании, рекомендованной мне (или меня ей), установились тесные научные отношения. С Доркой Дамо, авторитетнейшим исследователем иконописи, а одновременно старинным другом Юлии Владимировны, я был в поездке по старым албанским церквям на юге страны. Юлия Владимировна не боялась рекомендовать и знакомить людей. Это шло у нее от чистого сердца. И ее друзья становились моими. А мои, в свою очередь, с восторгом знакомились с Юлией Владимировной, ставшей при жизни классиком албанской этнографической науки.

В первый раз в Албанию вместе мы отправились с Юлией Владимировной в 1996 г. Там состоялся Международный семинар по албанскому языку, литературе и культуре. Прием гостей происходил на государственном уровне. Юлия Владимировна жила на вилле Мехмета Шеху – опального партийного бонзы, имевшего в свое время неограниченную власть над соотечественниками и бразды правления системой госбезопасности. Все время, свободное от заседаний, занятий, докладов, разборов староалбанских текстов и визитов в академические институты, мы проводили в беседах с друзьями и знакомыми Юлии Владимировны. Ведь надо было увидеть столько людей! Но во всей этой столичной суете я видел, как не терпится Юлии Владимировне поскорее отправиться в поездки по стране, в северные горы, на православный юг, в колоритный центральный Эльбасан. Она так хотела настоящей этнографической работы!

А пока, во время работы семинара, мы посещали доклады и лекции. Юлия Владимировна делала сообщение в рамках научной сессии об обычном праве албанцев. Незадолго до этого у нее вышла книга “Памятники обычного права албанцев османского времени”. Доклад вызвал живое обсуждение. В зале Дворца конгрессов присутствовало много людей. Один из ученых, албанец из Гегерии, стал упорно настаивать на том, что в его местности правила “Кануна Лека Дукагьина” были отличными от тех, которые описывает Юлия Владимировна. Причем суть спора была в том, что, к примеру, штраф за какой-то проступок в его родном селении был три овцы, а не две, как он услышал в докладе. При этом Юлия Владимировна пыталась очень корректно объяснить, что цены по Кануну могли меняться на протяжении действия неписанных правил горцев, а потому санкции коллектива в разных местностях могли варьироваться, хотя и не выходили за рамки обычного права. Ученый-физик так погрузился в спор, словно присутствовал на совете старейшин, решавших вопрос о жизни и смерти. Мне было интересно совершенно другое, когда я слушал эту дискуссию. Албанский физик совершенно забыл о том, что Юлия Владимировна – женщина-ученый из далекой России, что она выучила албанский язык, изучила традиции и

занимается наукой, а совсем не является старостой селения, живущим в патриархальной среде и вершащим суд над соплеменниками. И в этом была удивительная способность Юлии Владимировны стать “своей” среди албанцев, погрузиться в их проблемы, выступить в качестве арбитра при решении и обсуждении важнейших вопросов! Ее воспринимали как свою, а потому не делали никаких скидок ни в научном диспуте, ни в личной беседе. Тот горячий спорщик все никак не мог взять в толк, как Юлия Владимировна, столь хорошо разбирающаяся в “Кануне Лека Дукагына”, не знает такого-то пункта обычного права в его родной деревне (не знакомой, скажу прямо, и самим гегам севера, а не то что всем албанцам).

После завершения семинара мы отправились в поездки по стране. Мы были на православном юге, с длительной остановкой в Берате. Этот город, которому около 2500 лет, никого не может оставить равнодушным. Кварталы белокаменных домов террасами карабкаются в гору, на вершине которой стоит древняя крепость. С Юлией Владимировной было чрезвычайно интересно работать с информантами. Мы как-то привыкли выезжать для этнографических исследований в деревни. В селе все ясно. Ходишь по улицам, здороваешься с местными жителями, вступаешь в разговор,ходишь в доверие – и сбор материала, причем самого разного, обеспечен. В городе все складывается иначе. Идешь по большому городу, понимаешь, что здесь живут десятки тысяч людей, и не всегда знаешь, как приступить к полевой работе. Опыт и знания Юлии Владимировны в любой ситуации не давали сбой. Она вполне естественно могла войти в любой двор и дом. В Берате, в старинном квартале Мэнгалем, мы ходили по узким улочкам, фотографировали старые дома с выступающими эркерами и нависающими крышами. Увидев что-то необычное, Юлия Владимировна смело стучалась в калитку. Хозяева, смутившись вначале от неожиданного визита, тут же принимались угощать нас кофе и рассказывать о своей жизни, семье, традициях, особенностях быта и старине. Здесь “работало” не только балканское гостеприимство. Юлия Владимировна умела расположить к себе людей, а ее знания о стране и народе вызвали уважение. Пожилая женщина, разговаривающая по-албански, знающая обычаи и традиции, помнящая, какой Албания была 50 лет назад, вызывала даже не просто уважение, а восхищение. Люди, с которыми мы только едва успевали познакомиться, уже предлагали нам ночлег, кров, обильное угощение и всяческую помощь. Нужно сказать, что Юлия Владимировна никогда не злоупотребляла гостеприимством. У нее не было желания что-то урвать или побольше получить. Азарт был только научный. Но и шанс расширить связи и получить необходимые рекомендации она никогда не упускала.

Зайдя в случайный дом, приглянувшийся традиционной архитектурой и наличием старинной утвари, мы разговаривали на самые разные темы. И если вдруг выяснялось, что у хозяев родственники живут в каком-то уголке Албании, где прежде Юлия Владимировна не бывала, она запросто могла попросить адрес и рекомендации. И через пару дней мы уже отправлялись в новое место. Мне зачастую было неудобно так поступать. Но я понимал, что эта любезность оказывается именно Юлии

Владимировне. Информанты уважали ее знания, ее доброжелательность и открытость, ее возраст и вклад в дело этнографической науки.

Самым ярким пунктом наших поездок по Албании в тот год стала экспедиция на север страны, в город Шкодру и горные области Мальсия-э-Мазэ и Дукагьин. Эта поездка стала одним из самых ярких событий в моей жизни. Юлия Владимировна хотела побывать в тех местах, где она работала с албанскими этнографами в 1950-е годы. А мне интересно было узнать жизнь и быт албанских горцев.

Центральным пунктом нашей экспедиции на север стала Шкодра – большой город на берегу Шкодранского оз., поделенного между Албанией и Черногорией. Юлия Владимировна не переставала меня удивлять все время нашего пребывания на севере. Она заранее договорилась с местными людьми о нашем визите. Мы остановились в доме Тамары Гаши, русской женщины из Москвы, вышедшей замуж за выдающегося албанского композитора Гаши. Эту семью постигла участь многих других албанских семей, где жены были русскими. Несмотря на славу и известность, чете Гаши в эпоху диктатуры коммунистов предложили покинуть столицу Тирану и поселиться в Шкодре. Юлия Владимировна никогда не забывала о давних друзьях. Люди это ценили и всегда готовы были помочь, чем могли. Тогда же Юлия Владимировна познакомила меня с семьей Алексея Мищенко (по-албански имя и фамилия звучит как Алекс Мищенко). Это сын полковника царской армии, волей судеб заброшенный в Албанию, женившийся на албанке и ставший полноправным членом албанского общества, но ни на минуту не забывающий о своих русских корнях. Сын Алексея и Анны Мищенко, Аполлон, кстати, учится в Москве, в Духовной академии и поддерживает дружеские связи с семьей Юлии Владимировны. Тогда, в 1996 г., мы также были устроены в гостеприимном доме семьи Мищенко.

Юлия Владимировна принялась за организацию нашей поездки в Североалбанские Альпы. Меня удивляла ее энергия. Она ходила по городу, разговаривала с водителями, торговалась по поводу цены за автотранспорт. Некоторые черты ее характера мне были прежде не знакомы. Она обзавелась рекомендательными письмами к жителям горных селений, нашла нужные связи и знакомства. За короткий срок мы смогли оговорить все условия нашей поездки.

В начале сентября 1996 г. мы отправились в краткую по времени экспедицию в отдаленный район Северной Албании – в Дукагьин. Эта *краина* (от алб. *krahinë* – область, страна, местность) затерялась среди высоких гор (2500–2700 м над уровнем моря) Динарского хребта. Непроходимость горных перевалов, отсутствие дорог и труднодоступных рек на протяжении многих столетий делали эту область труднодоступной для вражеских вторжений, сохраняли ее изолированность от внешнего мира.

Так, пришедшие в XIV–XV столетия в албанские земли османские завоеватели не смогли установить полный контроль над данной территорией. Покорители Балкан столкнулись здесь с ожесточенным сопротивлением местных жителей. Отсутствие дорог и высокие горы не позволяли свободно маневрировать крупным войсковым соединениям. Раздробленные турецкие части в ущельях поджидали вооруженные

горцы, отлично знавшие местные тропы и разившие врага небольшими отрядами. Османскую армию сдерживала и экономическая нецелесообразность больших военных расходов на покорение незначительной территории с небольшим населением, где почти отсутствовали пахотные земли и господствовала бедность. Османское правительство усмотрело большую выгоду в том, что формально обложило данную территорию незначительной данью (выплачиваемой, к слову, не регулярно) и обязало горцев нести пограничную службу на рубежах империи, освободив их от несения воинской службы. Население Дукагына сохранило свою католическую веру, в то время как большинство населения Албании (свыше 70%) за время господства османов приняло ислам.

Выбор Дукагына для проведения экспедиции был совсем не случаен. В данной области долго сохранялись обычаи и верования предков, бытовали нормы обычного права албанцев, известного под названием “Канун Лека Дукагына”. Эта тема волновала Юлию Владимировну, и она старалась попасть в этот заповедный край.

Говор Дукагына в диалектологическом плане относится к северногегской языковой области. Он имеет типические особенности говоров, составляющих основное ядро этой диалектной группировки. Особо важно то, что дукагынской речи соответствуют нормы северноалбанского устно-поэтического койне, складывавшегося и развивавшегося в течение длительного времени. Изучить проблему сохранения дукагынского типа речи было важно для меня. Взаимный интерес делал нашу поездку в Дукагын по программе составления Малого диалектологического атласа балканских языков очень значительной, так как она могла и должна была осветить ряд вопросов по всему северному региону Албании – Гегерии. Нами был разработан маршрут экспедиции, основной точкой которой стало селение Абат (Abat).

Особый интерес данный населенный пункт вызывал в силу разных причин. Во-первых, Ю.В. Иванова была в экспедиции в Дукагыне в конце 1950-х годов, и ей удалось достаточно длительное время провести в Абате. Ее совместная работа с албанскими учеными позволила собрать богатый этнографический материал, который нашел отражение во многих публикациях. Наша нынешняя поездка обещала дать интересные наблюдения сохранения либо утраты различных традиций в данной местности, прояснить механизм вхождения инноваций в традиционную культуру народа (под культурой я понимаю самое расширительное значение этого слова).

Во-вторых, Абат находится в центральной части области Дукагын. Это было важно для работы, так как периферийные районы указанного ареала образуют полосу перехода к соседним диалектным группам. Так, к примеру, большое горное селение Фэф (Theth), в котором нам также удалось поработать с информантами, лежит на окраине территории фиса Шаля в Дукагыне и граничит, посредством высоких перевалов, с областью Мальсия-э-Мазэ.

В-третьих, селение Абат являло собой важный центр в общественной жизни Дукагына, здесь долго бытовали нормы обычного права; и авторитет его жителей был высок.

В-четвертых, Абат не является административным центром района, сюда не назначались чиновники, он “не испорчен” приезжими, переселенцами, туристами (как, к слову, Фэф, бывший долгое время летним горным курортом). Здесь не проводилось перепланировки улиц, не строились современные дома. Абат представляется некоторой заповедной зоной, не затронутой, как казалось на первый взгляд, современной цивилизацией.

Поэтому нам было важно здесь побывать. В нашей поездке меня и Юлию Владимировну Иванову любезно согласился сопровождать Алекс Мищенко. Вместе мы отправились в Дукагьин на джипе, водитель которого был родом из горной области недалеко от Шкодры и хорошо знал местные дороги.

Поездка в Дукагьин сопряжена со множеством трудностей, так как дорога от Шкодры до этой области осталась недостроенной. Ее довели лишь до селения Фэф, лежащего на границе с областью Мальсия-э-Мазэ (на северо-западе Дукагьина). Позже, уже по другому направлению, в горах проложили дорогу от главного центра Северной Албании города Шкодры до южных рубежей Дукагьина. В самой же области, с севера на юг, дорога, в ее полном понимании, построена не была. Транспорт идет здесь вдоль горной реки Шаля, по берегам которой сконцентрированы все главные поселения Дукагьина. Поэтому передвигаться нам пришлось в некоторых местах по руслу реки. Сама дорога от Шкодры до административного центра Дукагьина Брэг-Люми (Breg Lumi – в пер. с алб. “Берег реки”) заняла, с остановками, около 8–9 часов. Юлия Владимировна, пристально глядя на открывающиеся по сторонам виды, комментировала мне, за какой горой находится та или иная местность. Я могу лишь предположить, какие чувства охватывали ее в эти мгновения. Ведь она не была здесь 40 лет!

Побывав в административном центре Дукагьина, селении Брэг Люми, мы поехали в Абат. От русла реки туда ведет тропа, которую дорогой назвать вряд ли можно. Эта тропа идет не серпантинном, а извивается, как змея, по наклонной плоскости горы. Нашему шоферу приходилось очень не легко, так как надо было вписаться в крутые повороты и изгибы этой тропы. Продвижение сдерживали и часто встречающиеся по дороге деревянные жерди, служившие шлагбаумами. Склон горы поделен землевладельцами, и каждый из них на границе своих участков смастерил изгородь. Поделенной оказалась и сама дорога. Подъехав и открыв один самодельный шлагбаум, мы проезжали по частным владениям одного из жителей около 100 м и оказывались перед рубежом других владений. Лавируя среди крутых поворотов и частых заграждений, мы добрались до Абата. Когда наш джип остановился, нас уже поджидали вышедшие встречать жители, увидевшие наше приближение. А информация здесь передается быстро.

Среди встречавших была София Цукели, в доме которой жила во время экспедиции 40 лет назад Ю.В. Иванова. Какой трогательной была эта встреча! Госпожа Цукели сказала нам, что часто вспоминала Юлию Владимировну и всегда знала, что рано или поздно она к ней обязательно приедет. Их знакомство состоялось до раз-

рыва дипломатических отношений между Албанией и Советским Союзом в начале 1960-х годов. А после восстановления отношений в начале 1990-х годов госпожа Цукели была уверена в том, что их встреча обязательно состоится. Такая добрая память и сердечный прием были очень приятны.

Мы были радушно приглашены в дом Цукели. Он был построен еще в XVIII в. Здание представляло собой двухэтажную постройку из тесаного серого камня. На первом этаже расположено большое изолированное помещение для скота (хозяйка его не держала), небольшая прихожая с лестницей, ведущей на второй этаж, а также достаточно просторная кухня с очагом. Почти весь второй этаж занимала большая комната, которая служит одновременно и спальней, и комнатой для гостей. Осмотреть дом, как и все селение, нам удалось лишь позже. А пока нас препроводили в комнату для гостей, где началась длительная беседа. Главным и самым почетным гостем была, конечно же, Юлия Владимировна. Ее усадили на самое почетное место.

Вместе с нами в дом пришли соседи и дальние родственники Цукели. Хозяйка вместе с другими женщинами отправилась на кухню готовить угощение. А мы с Юлией Владимировной остались в обществе исключительно мужчин, собравшихся в доме Цукели побеседовать с гостями селения. Юлия Владимировна успевала записывать беседы, а еще давала мне комментарии. Мы с огорчением узнали, что некоторое время назад госпожа Цукели овдовела. Ее муж в свое время был *крюэпляком* (круплак – и – сельский староста, глава, старейшина) в *лягье* Абат. Юлия Владимировна его хорошо помнила. Два сына семьи Цукели уехали вместе с семьями в Бельгию, дочь живет с семьей в Шкодре. Поэтому в дом одинокой хозяйки во время нашего приезда пришли все авторитетные люди Абата – женщина не должна принимать гостей в одиночку.

На стол быстро подали угощение: *ракию* – фруктовую водку, соленые огурцы, домашнюю брынзу, колбасу, хлеб и т.д. Во время угощения пришедшие женщины стояли в комнате, но за стол вместе с нами не садились. Единственным исключением была Юлия Владимировна. Мужчины Абата понимали ее значимость и авторитет, а потому держались с ней как с равной. Мы записывали тексты информантов до глубокой ночи. Потом нам постелили спать, а Юлия Владимировна удалилась с хозяйкой дома на кухню. Они проговорили там до утра, рассказали друг другу, что у них было в жизни за эти годы, поделились самым сокровенным. В такие моменты осознаешь, насколько интересна и благородна работа этнографа.

Утром мы встали и отправились в дома к информантам. Юлия Владимировна не позволила себе отдохнуть или просто расслабиться. После бессонной ночи она продолжала беседовать с людьми, задавала вопросы, аккуратно записывала их ответы. Я поражаюсь ее работоспособности. Та экспедиция в Дукагьин исключительно сблизила меня с Юлией Владимировной. Она была потрясающим человеком. Так любить людей, чью культуру она изучала, и так любить свою работу могла только она!

В 1997 г. я защитил кандидатскую диссертацию. Без помощи и самого активного участия Юлии Владимировны защита не состоялась бы. Она помогала во всем.

Мне была предоставлена в полное распоряжение ее библиотека. Она готова была в любой момент отложить свои дела и взяться за чтение рукописи. Ее замечания и рекомендации оказывались пронзительно тонкими и грамотными. Я понимал, что мне несказанно повезло с научным руководителем. Наблюдая, как проходит общение некоторых аспирантов и их руководителей на университетских кафедрах или в отделах академических институтов, я понимал, какой редкий подарок мне преподнесла судьба. Мы с Юлией Владимировной были не просто объединены по службе или долгу науке, а мы были друзьями и единомышленниками, связанными едиными интересами, взглядами, устремлениями. И это редкое счастье.

Мы встречались чаще, чем многие руководители и аспиранты, живущие в одном городе и даже районе или квартале. Юлия Владимировна всегда приглашала в гости к себе. И я искал причину лишней раз отправиться в Москву. Она сама не забывала Питер. У нее были здесь родственники, друзья, студенты, которым она читала лекции по этнографии Балкан. Мы радовались любому поводу встретиться. Юлия Владимировна ни на чем жестко не настаивала – она давала возможность работать самостоятельно. Даже тему диссертационной работы она ждала от меня, полагая, что я сам должен выбрать круг интересов и нужную методику. Руководство студенческими работами было строгим – она ожидала результаты и комментировала их. При руководстве кандидатской диссертацией она поощряла самостоятельность. И как только получала готовый кусок текста, начинала творчески анализировать, подсказывая как сделать то или иное лучше и информативнее.

Я закончил филологический факультет Санкт-петербургского государственного университета. Моей второй специальностью были русский язык и литература. Но писать по-настоящему грамотные тексты (скромно надеюсь, что это так), с должной логикой рассуждений и значительной информативностью, я научился только благодаря Юлии Владимировне, которая не пропускала мимо ни одну шероховатость. Лучшего редактора моих статей и работ у меня никогда не было.

В 1998 г. Юлия Владимировна пригласила меня в экспедицию к албанцам Приазовья. На эту поездку она получила грант Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Албанской диаспорой Юлия Владимировна стала заниматься очень рано, сразу после окончания Великой Отечественной войны. Попав в 1940-е годы в Приазовье, в албанские села, Юлия Владимировна на долгие годы полюбила этот регион и людей, здесь живущих. До XX в. никто из ученых не интересовался судьбой албанских переселенцев, перебравшихся на постоянное жительство с Балкан в пределы Российской империи. В начале XX столетия ряд работ, посвященных этой теме, опубликовал Николай Севастьянович Державин. Занимаясь болгарями, он не мог обойти тему албанских колонистов. Юлия Владимировна решила посвятить себя изучению традиционной культуры албанцев Буджака и Приазовья. Ее статьи, базировавшиеся на полевом материале, собираемом в течение более чем полувека, стали полной и уникальной энциклопедией традиционного быта, уклада жизни, обрядов и преданий албанцев Украины. Нет смысла даже говорить о том, что это редчайший

вклад в науку, сделавший достоянием всего научного сообщества массив сведений о целой этнической группе. И работы Юлии Владимировны, посвященные албанцам Украины, получили известность не только у нас в стране или в Албании. Ее труды нашли признание в США и Германии, Франции и Италии, Болгарии и Югославии. Но важнее всего другое. Сами албанцы Украины признали в Юлии Владимировне ученого, который смог дать импульс внутренним поискам идентичности этой этнической группы, способствуя сохранению традиций, возврату интереса к корням собственной этнической истории и культуры.

Поездка с Юлией Владимировной в экспедицию к албанцам Приазовья была замечательной. А разве можно сказать слово “замечательная” в отношении поездки, когда приходится жить в сложных полевых условиях, в невыносимую жару, при отсутствии воды и прочих бытовых неудобствах? Эта же экспедиция была именно замечательной, так как работать в поле с Юлией Владимировной было и интересно в плане научных изысканий, и комфортно в плане решения бытовых проблем, и душевно – исходя из приятного дружеского общения.

Мы провели в албанских селах Запорожской обл. два месяца. С нами вместе был Илья Васильевич Уваров, студент Московского государственного университета международных отношений. Юлия Владимировна читала много лет в этом уважаемом учебном заведении курс по этнографии Юго-Восточной Европы. Илья был студентом Юлии Владимировны, интересовался всем, что было связано с Албанией. И Юлия Владимировна посчитала нужным пригласить его с нами в экспедицию. Нашу троицу в селе Георгиевка встретила Елена Михайловна Канарова – председатель сельсовета в те годы. Энергичная молодая женщина, пользующаяся непререкаемым авторитетом в селе и в районе, была дочкой, как выяснилось, албанской четы, на чьей свадьбе много лет назад присутствовала Юлия Владимировна и с чьими родителями она когда-то, в послевоенные годы, дружила. А теперь у самой Елены Михайловны взрослая дочь, которая встречается с сыном председателя колхоза, который оказывал нам всяческую поддержку во время экспедиции. Как переплетены человеческие судьбы и поколения! Меня не переставало удивлять, насколько хорошо знает местных жителей Юлия Владимировна. Полвека назад она была на свадьбе у одних, на именинах и крестинах у других. Теперь нас приглашают на свадьбу внуков тех, на сватовстве которых также присутствовала. И все ее хорошо помнят и любят! Это удивительное соприкосновение и соучастие в жизни целой этнической группы создавало впечатление, что Юлия Владимировна жила среди этих людей всю жизнь.

Не стоит говорить, что при таком отношении к ней в албанских селах, нам было очень легко решать все деловые и хозяйственные вопросы. Когда мы приходили в сельсовет, чтобы выяснить статистику по межэтническим бракам или количеству новорожденных, работницы сельской рады сразу же откладывали свои дела в сторону и начинали нам активно помогать в подсчетах по похозяйственным книгам. Когда мы не находили каких-то сведений, они принимались звонить по селу или в район, чтобы выяснить все, что нас интересовало. Кто знает условия работы в поле, понимает,

что так встречают ученых не везде и не всегда.

Мы ходили по селам, беседовали с информантами. Тактика сбора полевого материала зависела от условий и людей. Иногда удобно было работать в коллективе, иногда мы рассредоточивались. Юлия Владимировна ходила на традиционную *гароту* – женские воскресные посиделки, где ее воспринимали как свою. Нам открывали двери в любом доме и готовы были отвечать на наши бесконечные вопросы о сохранении традиций, новом укладе быта, праздниках и брачных предпочтениях.

Самым замечательным временем был вечер, когда мы втроем собирались у себя в доме и обсуждали, кому что удалось собрать и записать. Юлия Владимировна словно молодеда лет на тридцать. С каким задором она рассказывала о сельских новостях, собранных материалах, записанных текстах! Илья Уваров, оказавшись в первый раз в этнографической экспедиции, загорелся полевой работой. Ему было интересно ходить в дома информантов, записывать тексты об обрядах старины, собирать сведения о новой жизни. В дальнейшем Илья Васильевич стал профессиональным дипломатом, но сохранил самые лучшие воспоминания о работе этнографа. А я, продолжая исследования полиэтничного региона Приазовья, могу засвидетельствовать то, что информанты до сих пор спрашивают: “Как там наш Илюша? Что у него нового?” Они вспоминают, как проходила наша экспедиция, как мы пели вместе после праздника сбора урожая, как ходили пешком в сельсоветы соседних сел. Юлия Владимировна многим людям дала путевку в жизнь, сформировала круг научных интересов, помогла набраться опыта, научила беседовать с людьми, а главное – понимать людей, их устремления, уметь их достойно оценивать.

В том же 1998 г., но уже осенью, мы отправились с Юлией Владимировной в экспедицию в Буджак, в междуречье Прута и Днестра. Здесь в Болградском районе Одесской обл. расположено большое албанское село Каракурт (нынешнее украинское название – Жовтневое). В селе проживает более 3000 человек. Это удивительное место, где разговаривают на албанском, болгарском, гагаузском, румынском, украинском и русском языках. Время экспедиции выбирали не мы сами – оно было продиктовано условиями финансирования гранта РГНФ. Ноябрь выдался холодным и снежным, что необычно для здешних мест. Мы приехали в Каракурт, устроились на постой к информантам и стали собирать материал. Юлия Владимировна знала почти всех здешних старожилов, она помнила годы их свадеб, кому что дарили по случаю юбилея и т.д. В каждом доме мы были желанными гостями. Я учился у Юлии Владимировны общению с людьми, умению их расположить к себе, искусству беседы. Авторитет Юлии Владимировны делал самыми легкими и разрешимыми любые проблемы. Информанты с большим удовольствием рассказывали о своей жизни и старых временах, об отношении к представителям других народов, о взаимоотношении полов и религии. Они не могли отказать в подарке для Музея антропологии и этнографии какой-нибудь вещи, оставшейся от бабушки или прабабушки. Юлии Владимировне наш первый отечественный музей обязан таким уникальным и полным собранием предметов традиционно-бытовой культуры албанцев Украины. Она

по-настоящему болела научным поиском и всегда была готова отправиться в путь за многие километры, чтобы узнать что-то новое у редкого информанта (под редким я понимаю знающего человека, о котором могли ей сказать местные люди).

Две экспедиции в албаноязычные села Украины 1998 г. стали для меня важнейшей вехой в плане формирования научных интересов. Юлия Владимировна очень одобряла мой выбор. Она несколько раз мне говорила, как рада, что я иду по ее стопам. Вначале у меня интерес был к Албании, как и у нее, потом к Балканам в целом, а потом к диаспорам балканских народов. Ее такая преемственность в научном плане исключительно радовала. Она теперь могла быть уверенной в том, что ее многолетние экспедиционные и научные изыскания не останутся забытыми и ненужными.

В последние годы я стал приезжать в албанские села Украины вместе со своими студентами, учащимися филологического и исторического факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, для проведения лингвистических и этнографических практик. В состав групп входят студенты-филологи, историки, этнографы. Далеко не все занимаются албанистикой. Чаше это студенты, изучающие теорию языкознания. Но всегда в местах проведения практик нас отлично принимают, стараются помочь. И всегда спрашивают: «Как там наша Юлия Владимировна? Как ее семья?» В этом году я также собираюсь в Приазовье. Очень грустно и печально, что я не смогу ответить на расспросы старожилов: «У Юлии Владимировны все отлично. Продолжает работать. Успевает и в Институте этнологии и антропологии, и в редакции журнала “Этнографическое обозрение”, и еще читает лекции!» Очень грустно.

А тогда, после завершения наших экспедиций, мы устроили не одну выставку на базе собранных материалов. Мы успели с ней подготовить материалы для фотоэкспозиции об албанцах Украины для Национального музея в Тиране. Выставка, сделанная благодаря стараниям Юлии Владимировны и поддержанная Министерством иностранных дел Албании, была открыта в албанской столице в сентябре 2003 г. Это был наш последний совместный визит в эту горную балканскую страну. Мы приехали для участия в IX Международном конгрессе по изучению стран Юго-Восточной Европы. Этот представительный форум проводится раз в 5 лет в одной из балканских стран. Впервые конгресс проводился в Албании. И мы с Юлией Владимировной долго готовились к участию в нем. Поездка на конгресс послужила отличным поводом подготовить выставку. Экспозиция, которую мы привезли, не была большой по формату. Однако она вызвала большой интерес у публики. Было много журналистов, несколько каналов телевидения, национальное радио. После открытия выставки многие прохожие на улицах останавливали Юлию Владимировну, задавали вопросы, приглашали на угощение домой или в ресторан.

Тогда, во время конгресса, Юлии Владимировне было за 80 лет. Но она не пропускала почти ни одного заседания секций конгресса. В один из дней у нее был доклад, вызвавший, как обычно, интерес у ученых и много вопросов коллег и просто гостей конгресса. Юлия Владимировна стремилась побыстрее отправиться в поездки

по Албании. Пропустить какую-нибудь секцию или доклад кого-нибудь из знакомых ученых она не могла – ею двигали интерес и врожденные правила приличия. Она считала, что нехорошо не прийти на доклад – человек ведь готовился! Посмотрим на наши современные конференции, проводимые в интересных заморских местах. Большинство коллег, и не только наших соотечественников, ждут не дождутся, когда придет очередь до их доклада, чтобы поскорее отчитаться и, наконец, отправиться осматривать достопримечательности и никогда уж больше не появиться в зале заседаний. Юлия Владимировна была человеком старой школы. И чувство такта и воспитание никогда не позволили бы ей вести себя подобным образом.

После завершения конгресса в Тиране Юлия Владимировна поехала с научной программой по стране. Первым пунктом она выбрала Шкодру – свой любимый город, с которым было связано столько интересного. Из недолгой поездки она привезла удивительный по красоте *джамадан* – верхнее женское одеяние. Ей кто-то подарил эту деталь традиционного костюма, и она тут же передала ее мне в дар Кунсткамере. В этом была вся Юлия Владимировна!

В какой-то из дней я поехал во Влёру – портовый город, стоящий на стыке двух живописнейших морей – Адриатического и Ионического. В эти дни в Тиране проходил футбольный матч, в котором встретились команды Греции и Албании. Албанские футболисты выиграли матч. По Влёре ездили автомобили, украшенные национальными флагами и подававшие беспрерывные сигналы клаксонов. Албания ликовала. А в это время Юлия Владимировна, интересовавшаяся всеми сторонами жизни людей, вместе со столичными жителями вышла на улицу и гуляла почти до утра, наблюдая, как отмечают албанцы победу. Она оставила записи о происходившем. А как только я вернулся из поездки, стала азартно мне рассказывать, что она видела в эти дни в столице: “Сашенька! Что здесь творилось! Вся Тирана высыпала на улицы. Победу праздновали до утра. Машины гудели, люди кричали, кругом развевались флаги. Но не это даже главное. Сколько здесь молодежи! Албанцы – молодая нация. Я видела, какое количество парней, с красными полотнищами флага Скандербег в руках, на плечах, на автомобилях и мотоциклах, носилось по столице. У Албании хорошее будущее. Они добьются процветания!” Поразительно, как наблюдательна была Юлия Владимировна. Празднуя с местными тиффози победу футбольной команды, она не переставала думать о судьбах страны и делать этнографические наблюдения.

Наша совместная поездка в Албанию в том 2003 г., была, к сожалению, последней. Однако у Юлии Владимировны были планы еще не раз посетить свою любимую Албанию. Мы обсуждали с ней дальнейшие планы, вопросы для полевой работы, маршруты экспедиций. Юлия Владимировна старалась успеть закончить работу над монографиями – одна из них была посвящена грекам России и Украины, а вторая – албанской этнографии. Чтобы успеть подготовить работы к печати, она отказалась от многих возможных поездок. “Я ведь могу и не успеть”, – говорила она. Однако, как мы знаем, успела. Работу Юлия Владимировна завершила. Книга о греках вышла в 2004 г., а монография по албанской этнографии была сдана в печать, отредактирована

и должна была вот-вот появиться из печати. К сожалению, Юлии Владимировне не довелось подержать ее в руках. Но она была уверена, что сможет разослать по экземпляру своего труда албанским коллегам, в библиотеки, подарить друзьям, ученикам, дипломатам. Грустно, что эту книгу мы получаем не из рук Юлии Владимировны, а из типографии. Грустно, что не можем сказать ей “большое спасибо”. Грустно, что рецензии, которые выйдут на этот труд, она уже не сумеет прочитать. Хотя мне верится, что она все равно все узнает и все поймет.

В последний раз я видел Юлию Владимировну в сентябре 2005 г. Я вернулся с Балкан. Самолет из Черногории приземлился в Домодедово. В аэропорту меня встретили дочь и внучка Юлии Владимировны – Лена и Валя. Многие годы дружбы с научным руководителем сблизили меня и с ее семьей. Мы отправились в квартиру на улицу Вавилова. Юлия Владимировна ждала моего возвращения, расспрашивала меня о поездке, о моих впечатлениях, об общих албанских друзьях. Так уютно было сидеть на кухне в этой ставшей для меня почти родным домом московской квартире и говорить, говорить, говорить. Мы пили албанский коньяк “Экстра Корчи”, задушевно беседовали и так хотелось как можно дольше не расставаться.

Юлии Владимировне предстояла поездка в Грецию. Мы обсуждали возможные маршруты ее поездок. Юлия Владимировна себя уже не очень хорошо чувствовала. А потому я и ее семья волновались за нее. Однако осенью эта поездка состоялась. Мы обсудили с Юлией Владимировной ее визит (а была она приглашена президентом Греции) в эту удивительно красивую страну. Юлия Владимировна пожаловалась, что было слишком много официальных мероприятий, а потому она не смогла поехать вдоволь по стране самостоятельно, как ей хотелось. Я в очередной раз поразился энергии и пылливому этнографическому интересу, которые были столь присущи Юлии Владимировне. И пожелал ей исполнения всех желаний и планов в следующий визит.

Потом я узнал от семьи, что Юлия Владимировна стала себя чувствовать плохо. Я ей звонил, рассказывал о своей работе и мероприятиях, которые происходили в Петербурге. Юлия Владимировна живо всем интересовалась. Но ничего не говорила о своем здоровье. А я делал вид, что ничего не знаю. В Новый год мне сказали, что состояние Юлии Владимировны ухудшилось. Сама же она сказала мне лишь, что не сможет в наступающем году приехать на традиционную балканскую конференцию в Петербург, а также читать лекции питерским студентам.

За все последние годы она впервые не приехала на нашу балканскую секцию Международной филологической конференции. Было очень грустно и тревожно. Весной она сказала мне во время телефонного разговора: “Сашенька, Вы, наверное, знаете, что я болею. Постараюсь выздороветь. Пока в Питер приехать не смогу”. Мне было тяжело с ней разговаривать. Я должен был ее приободрить. Но она, кажется, все понимала и словно отдавала последние распоряжения, которые касались научных тем. Через некоторое время, воскресным утром, у меня дома раздался ранний звонок. Звонила Юлия Владимировна. Голос у нее был крепкий, она извинилась за столь ран-

ний звонок. Сказала, что у нее важный разговор. Юлия Владимировна сказала, что решилась, наконец, на операцию, а потому хочет отдать последние распоряжения. Говорила она очень четко. Она рассказала, где находятся в ее доме наши экспедиционные фотографии, как поступить с ее архивом, что делать с библиотекой, куда передать предметы традиционной культуры, собранные ею на протяжении многих лет в далеких экспедициях и странствиях по миру. Мне было очень грустно ее слушать. Я понимал, что это прощание. И очень злился, что ничем не могу помочь. После этого звонка я долго не решался позвонить в Москву, узнать, как чувствует себя Юлия Владимировна. Потом Валентина, внучка, сказала мне, что от операции они решили отказаться, со здоровьем у Юлии Владимировны стало очень плохо. Я боялся плохой вести из Москвы. И все же такой день настал.

4 мая рано утром мне позвонила Валя и сказала, что бабушки не стало. Я купил билет в Москву и поехал. Было невыносимо больно оказаться в квартире Юлии Владимировны – в квартире без ее хозяйки. Все в этом доме напоминало добрый взгляд и теплые руки моего дорогого учителя.

Мы всегда знаем, что по-настоящему ценить людей начинают лишь тогда, когда они уходят из жизни. Я всегда знал, что возможность знать, общаться и учиться у Юлии Владимировны – большая удача, которая выпала мне в жизни. И я всегда знал, что роскошь учения и общения будет когда-нибудь прервана. Это суровая правда жизни – простые и универсальные законы природы. И был, наверное, готов к тому, что в какой-нибудь печальный день я останусь без учителя, коллеги и друга. Но знать, что готов и оказаться готовым – разные вещи. Смерть Юлии Владимировны острой болью пронзила душу. И вряд ли найдутся слова, чтобы выразить ту печаль и горе, которые вызвал ее уход.

Похороны были очень светлыми. 6 мая над Москвой светило ласковое весеннее солнышко. Было приятно тепло – совсем не жарко и не холодно. Вокруг распускались почки на деревьях, зеленела молодая травка. Природа пробуждалась от суровой и долгой зимы. В кронах деревьев жизнерадостно пели неведомые птицы, а по асфальту прыгали с безудержным чириканьем воробьи. Лучи майского солнца пробивали лазурные небеса с ватными барашками облаков. В этом торжестве весенней природы мы прощались с Юлией Владимировной. Смирненное кладбище среди городского шума и людской суеты. Могучие кроны вековых деревьев. Яркие цветы траурных букетов и венков. Светлым, солнечным днем мы прощались со светлым, солнечным человеком. И пусть память о Юлии Владимировне Ивановой, замечательном ученом и человеке, навсегда останется такой же светлой, как тот московский майский день. В моем сердце ее образ всегда будет таким – светлым и добрым.

*Несколько слов о друге**Л.В. Покровская*

Люленька, милая, не знаю, какие слова можно сказать о тебе, не умалив тебя; как показать, каким человеком ты была, какой останешься в памяти друзей, коллег, знакомых. Мне кажется, главное, что определяло все твои поступки, – отношение к людям, к делу, к науке, – это то, что ты, человек безупречного вкуса и высокого достоинства, была истинным интеллигентом.

Отзывчивость, умение помогать делом – это одна из граней живой личности. Я ведь была едва знакома с тобой в 1964 г., когда, оказавшись в безвыходной ситуации, я через подругу обратилась к тебе, и ты дала мне кров, стала моей опорой, доброй и мудрой советчицей, Другом и оставалась такой все 40 лет. Мы прожили вместе, одной семьей четыре года, пока я не приобрела квартиру (кооперативную, как и твоя) на сбережения из зарплаты. Ты мне помогла сделать эти сбережения (ведь на жизнь мы выделяли из зарплаты лишь по рублю в день), ты убедила меня в том, что единственно верный выход для меня – добиться цели собственными усилиями, ценой жесткого самоограничения. Ведь ты сама следовала этому правилу. Ты приобрела свою квартиру на деньги, одолженные у друзей. Ты не могла иметь сбережений, так как в течение многих лет снимала комнатки или углы в разных местах Москвы (ты сменила 13 адресов), а в момент уплаты взноса была безработной (была уволена из БСЭ по сокращению штатов). Возвращая долги, ты долгие годы ограничивала себя во всем. И при этом ты всегда выглядела очень достойно: прическа, хотя и скромный, но всегда макияж, ухоженные руки. Я помню время, когда у тебя была одна блузка, но всегда она сияла чистотой, была отутюжена. Вспоминается чеховское: «В человеке все должно быть прекрасно»...

Я сказала, что ты приобрела квартиру, но важно уточнить, что ты была одним из организаторов этого кооператива, секретарем правления. В твоей квартире раздавались бесконечные звонки: люди приходили кто за справкой, кто за печатью, кто за советом, и ты, отрываясь от письменного стола, мягко, доброжелательно, без тени раздражения откликалась на все просьбы. Приобретая квартиру, ты очень хотела, чтобы мама и сестра перебрались из далекого Подмосковья, Хотьково, в Москву, но этого не случилось. Мама ушла из жизни в 1951 г., сестра уехала работать на Волго-Балтийский канал. Ты обживала квартиру одна. Нет, не одна. Твоя благословенная квартира давала приют не только мне. Долгое время с тобой жила университетская подруга Женя Сницер, которая так же, как и я, с твоей помощью приобрела квартиру. У тебя нашли приют в тяжелую минуту старики Гольдгоры, родители твоих подруг

Любовь Васильевна Покровская — кандидат исторических наук, специалист в области европеистики (г. Москва).

детства. К тебе всегда обращались приезжающие на лечение или по делам в Москву знакомые и знакомые знакомых из Албании, Греции, Молдавии, Украины. Все знали, что ты поможешь.

Знала, что ты поможешь, и сестра Зоя, когда в 1970 г., смертельно больная, приехала к тебе свою дочку-школьницу, чтобы уберечь ее от тяжелого испытания. В трагические дни твоей болезни ты могла убедиться, что свою миссию выполнила. Рядом с тобой были любящие, заботливые, умелые, достойные – дочь, внучка, внук.

Говорят, что о тебе трудно писать, так как ты человек замкнутый. Отчасти это верно. Ты не любила говорить о себе, ты очень умело задавала вопросы и внимательно слушала. А замкнутость, сдержанность – в твоём случае черта не только прирожденная, но и в большой мере приобретенная.

Ты резко изменилась, когда однажды в 1937 г. тебе, активной пионерке, организатору поэтических праздников в школе, тебе и твоей сестре пришлось прийти в класс и объявить, что ваш отец арестован. Документ о посмертной реабилитации отца ты получила много лет спустя. Ты разделила участь многих и многих. О своей беде и многом другом надо было молчать, особенно, если ты очень хотела учиться, получить высшее образование.

Тяга к гуманитарным знаниям проявилась у тебя еще в ранние школьные годы. Желание учиться удержало тебя в блокадном Ленинграде. Но занятия в ЛГУ вскоре прекратились, ты работала в госпитале. Об ужасах блокады ты обычно не рассказывала. Я знаю только один страшный случай с тобой, когда изможденный мужчина с горящими глазами вырвал у тебя из рук полученную пайку хлеба и упал замертво. Ты заглушала голод тем, что читала наизусть. Читала «Анну Каренину», стихи, любимого Пушкина. Блока, Некрасова и Маяковского. Но голод настиг и тебя. Больная дистрофией, ты была эвакуирована.

Связь с семьей, пока ты находилась в Ленинграде, была потеряна, почта не приходила. Но сама ты не перестала писать маме и сестре по разным адресам. Твоя энергия и настойчивость помогли отыскать родных в Пензе, куда ты приехала. Здесь ты работала машинисткой. С 1943 г. ты училась в МГУ на кафедре этнографии. Сокурсники всегда отмечали твою увлеченность наукой, широкую эрудицию. Твоей первой любовью стал Кавказ, а предметом особого интереса были религиозные верования.

И вот на закате своих дней ты получила подарок: в книге «Расы и народы» 2006 г., выпуск 31, опубликована твоя статья «Земледельческие культуры народов Центрального и Западного Дагестана», написанная на материалах, собранных тобой в 1944–1946 гг. Ты посвятила эту статью памяти любимого учителя, замечательного ученого Е.М. Шиллинга. Насколько серьезно ты работала еще в студенческие годы, говорит высокая оценка этой работы коллегами-кавказоведами.

Ты не была наделена высокими научными званиями, ты всегда служила науке, делу, отвлекаясь часто от того, что важно тебе, на то, что необходимо в данный момент институту, друзьям, коллегам. Наверное, полжизни ушло у тебя на редакторскую, издательскую деятельность: это была работа в «Советской этногра-

фии», «Этнографическом обозрении». Ты, оставив свои дела, редактировала наши «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы», книги, посвященные браку у народов Европы и многое другое, превращая подчас сырые статьи в законченные, вполне достойные публикации. Ты поделила со мной труд по написанию главы «Народы Франции» в коллективной монографии «Брак у народов Западной и Южной Европы» (М., 1989). Ты откликнулась на мой призыв перевести с французского языка книгу А. Ван Геннепа «Обряды перехода» и опять, уплотнив свой график, используя отпуска, с присущей тебе дотошностью довела эту работу до завершения.

Много душевных и физических сил вложила ты для завершения прерванного труда безвременно ушедших из жизни друзей: привела в порядок архив Ирины Сенкевич, помогала в подготовке к изданию книги О.С. Широкова «Введение в балканистику», позаботилась о научном наследии С.М. Цейтлина. Ты всегда беспокоилась о том, чтобы научный труд нашей подруги А.Г. Трофимовой не был предан забвению. Благодарную память заслужила ты, дав оценку трудам профессора Преображенского.

Открывая маленькую трогательную книгу стихов «Ученые пишут не только прозой» (М., 1997), одним из составителей которой ты являешься, понимаешь, какое важное дело ты сделала, организовав эту книгу. Сколько прекрасных дарований раскрывается здесь. Со временем эта книга стала поэтическим памятником нашим дорогим коллегам, покинувшим нас: С.Б. Рождественской, Ю.Б. Симченко, В.А. Туголукову. И вот теперь ушла и ты. Ты не была наделена хорошим здоровьем, но никто никогда не догадывался о твоих недугах. Мы, друзья, считали тебя самой жизнеспособной, и ты всегда нам это демонстрировала. Всего лишь два года тому назад ты исходила Париж в разных направлениях, нашла те уголки Парижа, где любила бывать твоя мама, когда она училась в Сорбонне. Ты осуществила свою давнюю мечту.

Слегла ты внезапно, и первой твоей просьбой была просьба изготовить пюпитр, чтобы можно было работать лежа. Без работы ты не представляла себе жизни. И вот судьба распорядилась так, что, когда ты не смогла работать, ты ушла из жизни.

Подборку своих стихов в книге «Ученые пишут не только прозой» ты заканчиваешь стихотворением «Конец пути». Пусть твое прощальное слово прозвучит еще раз:

Вот и кончился путь средь мирской суеты,
Оставляю свой груз у последней черты,
Налегке свой земной покидаю удел,
Позади – только тени несбывшихся дел –
Недописанных книг, недосказанных слов
Недопетых стихов, неразгаданных снов...

*Вспоминая коллегу: Юлия Владимировна Иванова**А.Н. Ямсков*

Узнав о смерти Юлии Владимировны, не дожившей всего лишь около месяца до своего 84-летия, я испытал вполне понятные чувства горечи и печали. Вместе с тем это трагическое известие стало для меня неожиданностью. Казалось, что она всегда работала и всегда будет работать в нашем институте, и что иначе просто не может быть. К тому же всего несколько месяцев назад я видел ее на работе, как обычно собранную и деятельную. За месяц с небольшим до кончины, когда она из-за болезни уже не выходила из дома, мы несколько раз говорили по телефону, обсуждая ее заявку на грант для подготовки к изданию этнографического иллюстрированного альбома по материалам экспедиций в албанские и греческие села Украины. Знал я и об ожидаемом в мае-июне выходе из печати сигнального экземпляра ее очередной монографии. Так что весной этого года я пребывал в уверенности, что Юлия Владимировна как всегда активно работает, а болезнь лишь на время заставила ее остаться дома, как уже бывало и раньше. Думаю, что и для многих других коллег, кто подобно мне не входил в круг ее личных друзей, уход из жизни Юлии Владимировны стал грустной неожиданностью.

Юлия Владимировна Иванова, несомненно, была личностью неординарной, и известие о ее смерти не только вызвало искренние переживания, но и потянуло за собой целый шлейф воспоминаний и размышлений. Возможно, некоторые из моих впечатлений о совместной работе с этим человеком добавят какие-то черточки к ее светлому образу.

Она пришла в сектор этнической экологии в 1990 г. и очень легко, без малейших трений включилась в давно сложившийся коллектив. Здесь стоит подчеркнуть, что в те годы наш сектор был в полном смысле слова полевым, все мы постоянно ездили в коллективные экспедиции по русским селам Закавказья и потому знали друг друга очень хорошо, что называется, взаимно “притерлись”. К тому же и по возрасту почти все мы были намного моложе, принадлежа к совсем другому поколению. Видимо, человеку со стороны, да к тому же с существенно иными профессиональными интересами, влиться в такую относительно небольшую и сплоченную группу было далеко не просто, но Юлия Владимировна осуществила это очень органично и незаметно. Как я ни старался, так и не смог вспомнить, когда и каким именно образом это произошло, и только по документам удалось узнать дату ее прихода к нам. Кстати, и

профессор Виктор Иванович Козлов, в те годы заведовавший сектором, с которым я недавно обсуждал этот сюжет, также не смог восстановить в памяти время и процесс вхождения Ю.В. Ивановой в наш дружный коллектив.

Юлия Владимировна сразу же стала своей в секторе этнической экологии, и на довольно частых в те годы чаепитиях она всегда баловала нас собственной выпечкой, не жалея для ее приготовления своего времени и сил. Пожалуй, в этих застольных беседах только она одна могла составить достойную компанию нашему “шефу”, Виктору Ивановичу Козлову, читая по памяти стихи поэтов Серебряного века и вообще прекрасно ориентируясь в литературе и искусстве. И, конечно, те секторальные посиделки запомнились очень живыми и вместе с тем содержательными рассказами Юлии Владимировны об ее давних экспедициях и недавних поездках на Балканы, об истории и культуре народов этой части Европы. Ее глубокая увлеченность тематикой своих профессиональных исследований и отменная эрудиция в области этнографии и истории балканских народов бросались в глаза каждому.

Точно так же обращали на себя внимание подлинная интеллигентность, тактичность и удивительная доброжелательность этого человека. Например, проработав рядом с ней более 15 лет, я не могу вспомнить буквально ни одного случая, когда бы Юлия Владимировна продемонстрировала хотя бы раздраженность, не говоря уж о какой-либо грубости или нервных срывах. Кажется, на работе она даже не позволяла себе выглядеть хмурой или усталой. Вместе с тем ее отличала высокая профессиональная требовательность, и не только к себе. Так, на обсуждениях в секторе она нередко критиковала, например, работы аспирантов, но всегда делала это очень мягко и осторожно, всячески стараясь не обидеть человека указаниями на его промахи и ошибки.

Если попытаться вычленить какое-то одно самое важное человеческое качество Юлии Владимировны Ивановой, то, с моей точки зрения, им является ее чувство профессионального долга и ответственности, в первую очередь перед наукой, но также и по отношению к коллегам по работе. В этом плане мне кажутся весьма показательными следующие два факта.

Во-первых, вспомним, что из шести монографий, опубликованных Юлией Владимировной (включая осуществленные ею переводы двух книг и одну коллективную монографию, почти на две трети написанную ею), пять вышли в период ее работы в секторе этнической экологии, хотя по тематике все они, естественно, относятся к сфере ее собственных научных интересов, а вовсе не к этнической экологии. Тем не менее Юлия Владимировна, готовя к изданию эти столь важные для нее в научном отношении монографии, одновременно считала для себя обязательным принимать участие и во всех шести сборниках сектора, опубликованных после 1991 г. Но ведь в 1990-е годы, как известно, никто уже не требовал работы по каким-либо планам, и она вполне могла сконцентрироваться только на собственных профессиональных интересах. Полагаю, что в данном случае сказались присущие ей уважение к коллегам по сектору, корпоративная солидарность и желание помочь укрепить репутацию

нашего небольшого научного подразделения, которое в 1992–1998 гг. существовало в виде исследовательской группы. Разумеется, я, как руководитель этой группы с 1992 г., и коллеги, в первую очередь профессор В.И. Козлов, всегда приглашали Юлию Владимировну в задуманные секторальные тематические сборники по этноэкологии и смежной проблематике, но делали это не очень настойчиво, ибо знали, сколь много и продуктивно она работает по собственной тематике и что никаких проблем с ежегодным отчетом о работе у нее никогда не будет. Однако ее работы всегда появлялись в наших сборниках, и она никогда не позволяла себе затягивать сдачу текстов, подводя коллег.

Во-вторых, вспоминается наша поездка в октябре–ноябре 1992 г. в Северную Осетию и Ставропольский край, к молоканам, переселившимся туда из Азербайджана и Армении. Этим выездом, кстати говоря, завершились полевые исследования русских старожилов Закавказья. Показательно, что изначально готовилась работа экспедиционного отряда в составе пяти человек, но в итоге большинство коллег под разными предлогами от поездки отказались, в том числе и в самый последний момент, так что вместо отряда поехали всего двое – начальник (автор этих строк) и, естественно, Юлия Владимировна. Она не сочла для себя возможным подвести сектор отказом, и мы выехали вдвоем. Кстати, опасения по поводу безопасности работ на Северном Кавказе в тот раз почти оправдались – полевые исследования у молокан в с. Михайловское Пригородного р-на Северной Осетии проводились 19 октября, а 31 октября, уже переехав в г. Ставрополь, мы узнали о начавшемся вооруженном осетино-ингушском конфликте в том районе (но, правда, в стороне от Михайловского).

Кстати, Юлия Владимировна работала в моем отряде и в июне 1990 г., т. е. в тот год, когда она только перевелась в наш сектор. Тогда мы посетили молоканские селения Восточной Грузии, затем переехали к молоканам в Армению, а в Москву возвращались уже из Сухуми. Все эти многодневные переезды она в возрасте без малого 70 лет проделала на грузовике-вездеходе ГАЗ-66, часто ночуя в пути в спальном мешке под открытым небом. При этом она не только никогда не жаловалась на бытовые неудобства, но вела себя так, что никому и в голову не приходило удивляться происходящему. Лишь сейчас я понимаю, насколько незаурядным и преданным своему делу человеком она была. Между прочим, впоследствии она написала очень теплые и яркие, но при этом насыщенные научными наблюдениями, воспоминания¹ об этих экспедициях с нашим сектором, а ведь они существенно отвлекали ее от работы над собственной тематикой.

Об отношении Юлии Владимировны к профессии этнографа особенно красноречиво свидетельствуют следующие две выдержки из моих полевых дневников. 3 июня 1990 г., с. Красногорка (Грузия), после трехчасовой езды из аэропорта г. Тбилиси, куда в тот день из Москвы прибыла группа сотрудников вместе с Ю.В. Ивановой: “В 16⁰⁰ приехали, к 17⁰⁰ разобрали вещи и перекусили; весь вечер провели за разговорами (кроме Ю.В. Ивановой, ушедшей в село)”. 13 июня 1990 г., с. Фиолетово (Армения), куда мы приехали накануне вечером из Грузии: “После 15³⁰ на улице силь-

ный дождь; все читают газеты, а Ю.В. Иванова записывает впечатления от первого рабочего дня”. Думается, к этому вряд ли стоит что-то добавлять.

Видимо, прожив долгую и непростую жизнь, Юлия Владимировна Иванова в профессиональном плане чувствовала себя состоявшимся человеком, в значительной мере реализовавшим свой творческий потенциал в книгах и статьях, экспедициях и выступлениях на конференциях. Что до формального статуса и должностей, то она никогда, кажется, особо и не стремилась к карьерному успеху в силу скромности и, главное, нацеленности именно на научные результаты своей работы.

Лично знавшие ее люди до конца своих дней сохранят светлую память об этом человеке, а специалисты всегда будут ценить ее высокий профессионализм, отразившийся в опубликованных результатах исследований. Имя Юлии Владимировны Ивановой навечно останется в анналах отечественной этнографии албанцев и греков, и это – истинная награда для научного работника.

Примечания

¹ См.: *Иванова Ю.В.* Русские сектанты – старожилы Закавказья // Очерки экспедиционного быта в Закавказье / Ред. Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2001. С. 283–301.

Памяти старшего товарища

А.Н. Кожановский

Именно как старший товарищ, – хотя и сам я давно уже не молод, – вспоминается мне ушедшая от нас Юлия Владимировна Иванова, и так же воспринимал я ее на протяжении всех долгих лет нашего знакомства, со времени моего прихода в сектор этнографии Европы, где она тогда работала, уже будучи известным исследователем, автором многих признанных публикаций. Так вот, с самого начала я с благодарностью и некоторым удивлением – ведь ничем еще не заслужил! – ощутил исходящую от нее спокойную доброжелательность, столь необходимую новому сотруднику, пытающемуся освоиться в непривычной обстановке, в среде давно и хорошо знающих друг друга людей.

Очень скоро сама секторальная жизнь стала раз за разом, с обыденной регулярностью, подтверждать, что приветливое внимание к окружающим в натуре Юлии

Александр Николаевич Кожановский — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Владимировны органично сочетается с готовностью и умением немедленно прийти на помощь в случае необходимости, даже с ущербом для собственных обстоятельств и интересов. Так, она могла летом, отправляясь на долгожданный отдых, взять с собой чужую рукопись объемом в несколько авторских листов и пожертвовать как минимум половиной отпускного времени на написание подробного отзыва об этом тексте – чтобы спасти от служебных неприятностей не поспевающего к срокам коллегу. Следует сказать, что и в ту пору, когда время еще не было настолько «спрессованным» и насыщенным, как нынче, это был, что называется, поступок, – и при том, как впоследствии оказалось, лишь один из множества поступков такого рода, в числе которых были и куда более значительные, поступков, совершаемых естественно, без расчета на какую-то особую благодарность или взаимность (это как-то всегда ясно ощущалось), а просто потому, что «как же иначе?»...

С ней всегда интересно было разговаривать и спорить, совершенно не опасаясь, что самое решительное несогласие по любой теме может обернуться трещиной или хотя бы даже небольшим охлаждением в отношениях с ней. При этом ее обычная интеллигентная сдержанность совсем не означала бесстрастности натуры. Напротив, даже ее понимание профессии, к примеру, было сродни первооткрывательскому. Характерные для нее дотошность и скрупулезность в описании изучаемого объекта удивительным образом сочетались с каким-то романтическим его восприятием, с детским удивлением перед его непохожестью на то, что уже привычно, и с желанием немедленно рассказать об этом всем друзьям и коллегам – чтобы они тоже узнали, потому что никаких сомнений не было в том, что им это, конечно же, тоже интересно, просто не может не быть интересно.

Вообще ее отношение к делу, которому она посвятила свою жизнь, производило впечатление влюбленности, иногда – наивной и поистине безоглядной. Те, кто работал в институте в эпоху «железного занавеса», помнят, как здесь было принято в ту пору собираться, чтобы послушать своего коллегу, которому в качестве командированного или туриста посчастливилось побывать в какой-нибудь отдаленной «капстране», причем самыми внимательными слушателями были, конечно же, те специалисты по этой самой стране, что не рассчитывали сами когда-либо ее посетить и жаждали «непосредственных впечатлений». Так вот Юлия Владимировна производила впечатление такого специалиста – только уже по всей ойкумене. Она всегда присутствовала на этих сообщениях и относилась к ним настолько серьезно, что, уже обзаведясь маленькими внуками, иногда приводила их с собой: пусть тоже послушают, ведь это «живая этнография!» У нее имелся образ – конечно же, по большей части книжный, она была очень начитанным человеком – едва ли не каждой страны и каждого народа, и ей важно было максимально дополнить этот образ и соотнести его с действительностью, с тем, что видел ее коллега собственными глазами; случалось, что именно ее вопросы превращали обычный рассказ в оживленное обсуждение, а то и диспут.

Когда произошли известные события в нашей стране и все здесь радикально пере-

менилось, мир открылся и приблизился, у многих соотечественников появилась возможность побывать в таких местах планеты, о которых раньше и подумать-то было немислимо. Для подавляющего большинства окружающих личные впечатления их коллег о «дальних странах» навсегда утратили прежний ореол открытия, непосредственного контакта, возможности узнать что-то уникальное, о чем нигде не прочтешь, из первых рук и обсудить это с остальными. А для нее – нет. И я хорошо помню ее грустное недоумение по поводу того, что ее неоднократные порывы «по старой памяти» немедленно поделиться с коллегами привезенными из очередной поездки впечатлениями давно уже не встречались, как прежде, с радостной готовностью...

Наверное, Юлия Владимировна являла собой одно из наиболее последовательных воплощений того, что у нас традиционно принято было называть «интеллигентностью». Мне кажется, и в нашем «Европейском» секторе, где судьба в разные годы сводила немало ярких и своеобразных личностей, с очень непростыми взаимоотношениями, это ее качество молчаливо признавалось всеми. Ее присутствие как на секторальных заседаниях, так и при общих разговорах на какие бы то ни было темы всегда было залогом того, что будет выражена непредвзятая, заведомо отделенная от личных пристрастий и эмоций точка зрения – а ведь это очень непросто ввиду многочисленных «сопутствующих» обстоятельств, которыми неизбежно обрастает всякая совместная деятельность людей, долгое время работающих в одном коллективе. Все прекрасно знают, как трудно порой встать над личными отношениями с коллегами, над всякого рода обязательствами и соображениями психологического свойства, когда речь идет о публичном высказывании профессиональной оценки или же суждения этического порядка в очередной коллизии – и как важно, чтобы все-таки прозвучали и беспристрастная оценка, и адекватное суждение: важно – для того, чтобы коллектив, при всем различии составляющих его индивидов, мог и далее продолжать эффективно заниматься общим делом. Насколько я помню, не раз и не два именно спокойное слово Юлии Владимировны устанавливало необходимое равновесие в разгоревшихся страстях – не потому, что она «вещала истину», а потому, что если с ней и не соглашались по существу, весомость ее аргументов и, главное, добросовестность ее позиции как бы структурировали происходящее обсуждение, задавали необходимый уровень, помогали участникам, что называется, вспомнить о главном, развести важное и второстепенное...

Она была человеком последовательно, даже как-то старомодно порядочным и принципиальным; ее этическая чистоплотность и присущее ей чувство справедливости не позволяли ей покривить душой, более того, даже уклониться от того, чтобы высказать свое «поперечное» мнение там, где вполне можно было бы промолчать без ущерба для своих отношений с большинством коллектива, с начальством, с друзьями, наконец... Ее гражданская смелость, естественное, без какой-либо аффектации, достоинство, с которым она держалась, проистекали не от того, что у нее был ослаблен инстинкт самосохранения, а от общей цельности натуры, от личностной доброкачественности, которую мы, конечно же, всегда ощущали, но, боюсь, недостаточно

ценили при ее жизни.

Она воплощала собой тот счастливый тип исследователя, о котором нельзя сказать, что в его деятельности полевое, изыскательское направление превалирует над кабинетным, аналитическим – или же наоборот: настолько органично сочетались в ней оба таланта. Ее вкусу к «этнографической фактуре» и умению всякий раз увидеть за ней какое-то интересное явление, тенденцию или закономерность, можно было только позавидовать. Я не сомневаюсь, что ее научное наследие, в силу своего высокого качества, будет востребовано в нашей профессии и впредь, в том числе и при решении всегда актуальных проблем общего характера. Так, она, среди прочего, вскрыла и описала действие спонтанно возникшего социально-культурного механизма, обеспечивающего сосуществование и брачный взаимообмен проживающих в одном из южноукраинских сел трех «национальностей» (албанцев, болгар и гагаузов) при сохранении четкой «этнической границы» между их общинами в целом – удивительно интересное, заслуживающее самого внимательного рассмотрения явление в контексте нынешнего дискурса о сути феномена «этничности»!

Мне представляется, что в истории нашего института, с которым Юлия Владимировна связала свою жизнь, ей принадлежит особое и очень достойное место. Перефразировав известное высказывание классика об искусстве, я бы решился сказать, что Юлия Владимировна – пример того, как можно жить, любя не себя в науке, а науку в себе. Самоотверженно и бескорыстно. Со всеми преимуществами и всеми неизбежными потерями при такой жизненной позиции для судьбы того конкретного человека, который избрал ее для себя. И которого очень не хватает.

Светлая память!

Воспоминания о Ю.В. Ивановой

В.И. Козлов

С Юлией Владимировной (для меня – просто Юлей) Ивановой я познакомился страшно давно – летом 1956 г., т.е. 50 лет тому назад, когда заканчивал аспирантуру Института этнографии АН СССР. Этим знакомством я был обязан Л.Н. Терентьевой, тогда – заведующей аспирантурой института, которая попросила меня и прикомандированного к нам аспиранта из Литвы (его имя я, к сожалению, забыл) помочь недавно зачисленной в состав института молодой сотруднице Ю.В. Ивановой переехать из

Виктор Иванович Козлов — доктор исторических наук, профессор; до 2004 г. – главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (до 1992 г. – заведующий сектором этнической экологии ИЭА РАН).

Ховрино, где она снимала комнату в старом двухэтажном доме, на новую квартиру в большом кооперативном доме на углу улиц имени акад. Вавилова и Дм. Ульянова.

Тяжелой «мужской» работы было немного, основную нагрузку составляли увесистые связки книг, а о вознаграждении мы с напарником и не думали. Юля держалась с нами довольно сухо, никакого кокетства с малознакомыми ей молодыми мужчинами не допускала и угостила только чаем с печеньем. Квартирный вопрос в то время мучил и меня, а потому, между делом, мне удалось выяснить, что деньги на двухкомнатную квартиру ей удалось накопить на редакторской работе в издательстве Большой Советской энциклопедии, требующей, как я позже уяснил, высокой научной квалификации. А некоторое расположение к ней Л.Н. Терентьевой объяснялось, как выяснилось, тем, что обе они были ленинградками и пережили блокаду; Юля – в качестве вольнонаемной медицинской сестры госпиталя. Все это внушало мне уважение к ней и даже, не скрою, некоторую робость. Развитию наших товарищеских отношений мешал и территориальный отрыв лаборатории этнической статистики и картографии, в которую я был зачислен после защиты кандидатской диссертации, от местонахождения Института этнографии: он ютился на четвертом этаже небольшого особняка по ул. Фрунзе, а наша лаборатория – в большущем доме на проезде Владимирова, присоединенном позже к комплексу зданий ЦК КПСС.

После воссоединения лаборатории с институтом, которое произошло в 1965 г. на верхнем этаже четырехэтажного дома по ул. Дм. Ульянова, мои контакты с Юлей несколько участились, хотя и не окрепли. Этому мешало различие научных интересов, да и занятость текущими делами. Кроме того, Юля почти не участвовала в общественной жизни института; помню, как я после избрания председателем месткома долго, но безрезультатно уговаривал ее возглавить подкомиссию по культурно-бытовой работе. И у такой позиции были свои причины; оказалось, что Юле в ее бытность активной пионервожатой пришлось публично отказать от отца, репрессированного в 1937 г. как «враг народа». Я не спрашивал у Юли детали этого страшного события в ее жизни и только удивлялся, что после него она не замкнулась в себе, выбрала одну из наиболее «человечных» профессий – профессию этнографа – и старалась истово служить ей.

Появившаяся у Юли осторожность проявилась и в игнорировании ею теоретических дискуссий, возникавших на Ученом совете или проводимых в журнале «Советская этнография» (теперь – «Этнографическое обозрение»), хотя с ее энциклопедическим опытом можно было внести в них добавочную толику разума. Но, по правде говоря, и толку в этих дискуссиях было немного; в конце концов все решало мнение директора института.

Мне довелось несколько сблизиться с Юлей на почве общей любви к поэзии, в частности к стихам Н. Гумилева, часть которых она знала наизусть. Несколько раз она приглашала меня вместе с супругой к себе в гости, были там и другие ее знакомые, и там, наряду со скромным застольем, устраивались своего рода вечера поэзии; я приносил компактный магнитофон, и мы слушали песни Окуджавы, Галича и других бардов.

Наши научные интересы, как я уже говорил, были различными, но мне приходилось общаться с сектором народов Зарубежной Европы, где работала Юля, и должен сказать, что этот сектор по своему составу был почти поголовно женским, а по характеру взаимоотношений сотрудниц – очень сложным: милые дамы нередко переносили на свои отношения конфликты между изучаемыми ими странами, отнюдь не прибегая к дипломатическому языку... Заведующему сектором – мощному ученому, этнографу и религиоведу С.А. Токареву с большим трудом удавалось сдерживать внутрисекторальные эмоции, и в своих усилиях он во многом опирался на всегда сдержанную и рассудительную Ю.В. Иванову.

Во время затянувшейся болезни С.А. Токарева Юля была официально назначена его заместителем, а после его смерти в 1982 г. более года возглавляла сектор. Многие полагали, что этот фактический статус Юли будет закреплён юридически, но для этого, как я понимаю, требовалось зримое, так сказать, приближение Юли к ученой степени доктора наук, а она с этим явно не торопилась. Из двух возможных для Юли диссертационных путей, которые могут быть названы «албанским» и «греческим», она предпочла более интересный, но и более сложный – «албанский», временами «буксовала» из-за сбора кажущегося ей необходимым материала, твердила о том, что в ее возрасте ради приличия следует в начале предварительно издать монографию, и уже затем оформлять защиту на степень доктора наук и т.д. В результате заведующей сектором была назначена целеустремленная М.С. Кашуба, пригласившая в соавторы своей монографии самого директора, председателя Ученого совета по присуждению ученой степени доктора наук. А Юля надолго застряла на полученном ею в 1976 г. звании «старшего научного сотрудника» и не успела увидеть даже сигнального экземпляра своей книги.

Весной 1990 г. Юля пришла ко мне в сектор этнической экологии и попросила поддержать ее перевод из сектора Зарубежной Европы, на что я с радостью согласился. В нашем секторе были специалисты по разным научным дисциплинам, но нам не хватало высококвалифицированного этнографа-полевого, каким была Юля. Я не стеснял ее продолжавшихся в то время исследований албанцев, но просил принять участие и оказать методологическую помощь по некоторым направлениям развернутого нами в то время исследования адаптации русских старожильческих поселенцев в Закавказье. Юля согласилась и удивительно легко вошла в наш сплоченный коллектив. Мне, к сожалению, не представилась возможность поработать с нею в полевых условиях, но те, кто были с нею в экспедиционных отрядах, сразу оценили в ней сочетание энциклопедических знаний и стремления делиться своими знаниями с другими сотрудниками с неприхотливостью к бытовым условиям.

Годы нашей совместной работы пролетели незаметно, я привык к тому, что в секторальной комнате Юля сидит за моей спиной, образуя, образно говоря, надежный научный тыл, на который в случае необходимости можно опереться. Она не смогла завести собственную семью, когорты ее возможных женихов были повыбиты войной, поэтому в ее безраздельном служении науке проступала какая-то святость, не свой-

твенная нынешним ученым. В последнее время из-за своей болезни я мало общался с ней, привык к тому, что она есть, а потому воспринял ее смерть как внезапный удар молнии в основу своего бытия и всей этнографической науки. Если бы я был на ее похоронах, то напомнил бы друзьям и знакомым одно из любимых ею стихотворений Н. Гумилева, где автор советует своим читателям, «...представ перед лицом Бога с простыми и мудрыми словами, ждать спокойно Его суда». Если Бог есть, то дорогая Юля может надеяться на Его благосклонность. А земная память о ней пребудет еще долго, у меня – до моей смерти.

Уйти и остаться...

А.А. Улунян

Внимательный взгляд из-за очков. Компетентные вопросы собеседнику и не менее профессиональные ответы тому, кто интересуется предметом Ее научного интереса. Тихий голос. Удивительная подвижность и всегда элегантный, присущий только людям с врожденным чувством вкуса, внешний вид. Таким сохранится образ российского ученого-этнолога, специалиста и подлинного интеллигента Юлии Владимировны Ивановой в памяти ее коллег по ремеслу. Уже при моем знакомстве с этим человеком, состоявшемся в середине 1980-х годов, когда демократические настроения в обществе все настойчивее актуализировали проблемы межэтнических отношений, включая вопросы восстановления исторической справедливости, а в данном случае – так называемый греческий аспект этой темы, Юлия Владимировна продемонстрировала при обсуждении в «больших кабинетах» качества настоящего эксперта и подлинного профессионала.

Занимаясь главным образом албанскими сюжетами, она прекрасно знала и по-настоящему любила полевые исследования, относящиеся к истории, культуре и этнологии греков бывшего СССР. Обращение к этой стороне научного творчества Юлии Владимировны – не просто дань памяти Коллеги, принадлежавшей к другому поколению, но, прежде всего, признание заслуг буквально в подвижнической исследовательской работе по проблеме греческого старожильческого населения бывшего Советского Союза. Широкий региональный охват, скрупулезный сбор материалов и колоссальное число людей, с которыми встречалась Юлия Владимировна в своих поездках, – таковы частицы того, что было сформулировано впоследствии ею в виде серьезной академической заявки – монументального труда «Греки России и Украины»

Артем Акопович Улунян — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

(СПб., 2004), инициатором, организатором и одним из самых активных участников которого она была.

Работа над ним заняла несколько лет, а задуманное Юлией Владимировной сначала даже настораживало масштабом предстоявших исследований. Поделившись со мной своим планом, она тут же успокоила, заявив совершенно определенно и как уже о решенном вопросе: каждому из предполагавшихся авторов будет достаточно «просто» написать по 2–3 печатных листа! Иными словами, она бралась убедить потенциальных участников этого проекта в необходимости их участия в таком труде, призвать соблюдать сроки подачи материалов, т. е. Юлия Владимировна собиралась взять на себя известные всем, кто хотя бы единожды занимался созданием коллективного труда, проблемы.

Воистину, только подлинно увлеченный человек, способный компетентно разбираться в широком спектре научных вопросов, мог так, на первый взгляд, «романтически», подойти к исследованию, хронологически охватывающему период «от Адама до Потсдама». Но ученые – тоже люди. И однажды, это было в конце 1990-х годов, в один из зимне-весенних вечеров у меня в квартире раздался телефонный звонок. Это была Юлия Владимировна. Спросив по обыкновению, над чем я работаю (непременный атрибут наших телефонных бесед – это обмен информацией по «греческой» и «албанской темам»), она вдруг попросила, чтобы я мужественно отнесся к ее словам, не возражая ей и не перебивая ее (последнее при разговоре с ней было сделать просто невозможно в принципе, так как стиль общения исключал даже намек на то, чтобы перебивать собеседника).

Я насторожился от произнесенных Юлией Владимировной слов. Выяснилось, что она направляется на следующий день в больницу, и в случае подтверждения негативного вывода о состоянии ее здоровья могло произойти наихудшее. Повторив свою фразу о «мужественности», она призвала меня (и это было впервые!) по-мужски воспринять сказанное. Вслед за этим Юлия Владимировна сообщила о том, где и как я смогу получить в случае, если..., необходимые материалы по коллективному труду «Греки России и Украины» с тем, чтобы работа была закончена.

На протяжении нескольких последующих дней ожидания известий о происходящем я опасался каждого телефонного звонка, а приходя домой, спрашивал с определенными опасениями у супруги: «Звонили ли?». Звонок Юлии Владимировны из больницы и ее сообщение, что она «вскоре выходит», был, вероятно, одним из самых долгожданных. Ни сразу после ее выздоровления, ни позже мы не возвращались к произошедшему. Однако сам факт обращения в тяжелый во многих отношениях, включая и психологический аспект, момент к теме незаконченной работы, которую необходимо продолжить и издать, вполне определенно характеризует Юлию Владимировну как ученого и человека.

В последующие годы, встречаясь с ней на всякого рода научно-общественных мероприятиях «по греческой тематике», можно было видеть, насколько она была активна, сколько людей знали ее, уважали и хотели с ней общаться. Вероятно, в России

нет ни одного грека, интересующегося своей историей, культурой, который бы не знал Юлию Владимировну. Главы всех греческих общин России и Украины были ей известны лично, а жизнь греческих диаспор этих двух стран изучалась ею не по газетам и книжкам.

Когда уходит просто человек – он сохраняется в памяти родных, близких, друзей. Когда уходит Ученый (речь не идет о носителях званий и титулов) – воспоминания о нем сохраняются еще и в виде его научных трудов, становящихся подлинными памятниками, к которым обращаются многие последующие поколения. Память о Юлии Владимировне Ивановой сохранится в ее трудах, которые еще долгое и долгое время будут оставаться востребованными.

О Юлии Владимировне Ивановой

Г.Л. Ариш

Все, кто многие годы был знаком с Юлией Владимировной Ивановой, знал ее как человека благородной души, высоких нравственных качеств, глубокого исследователя, бескорыстного и неутомимого труженика науки. Хочу дополнить образ этой замечательной личности несколькими небольшими штрихами. Исследовательский диапазон Юлии Владимировны был весьма широким. Начала она свою научную деятельность сразу после войны с изучения албанских колоний на территории СССР. Юлию Владимировну по праву можно считать основоположником албановедения в нашей стране. Свои исследования в области истории и этнографии албанцев она значительно расширила и углубила в ходе своих полевых экспедиций в Албании в 1956 и 1958 гг.

Мне представляется, что, несмотря на расширение рамок своих научных исследований, Юлия Владимировна всегда оставалась верна своей “первой любви” – Албании. Причем, как мне кажется, она любила Албанию не потому, что занималась ею, а занималась потому, что любила.

В последующем Юлия Владимировна многие годы посвятила изучению этнографии греков СССР, главным образом жителей Приазовья. Результатом этих длительных исследований стала ценная монография “Греки России и Украины” (СПб., 2004), написанная в основном ею самой.

Известно, что в советское время существовало общество дружбы “СССР – Албания”. Характер деятельности этого общества, как и других официальных об-

ществ дружбы, во многом зависел от политики. Но при жизни Юлии Владимировны ее дом на улице Вавилова был неофициальным обществом дружбы с Албанией, действовавшим независимо от политической конъюнктуры. Здесь регулярно отмечался национальный праздник Албании (28 ноября). Эти вечера проходили с участием всех тех людей, кто искренне интересовался историей, культурой, современной жизнью Албании. Этот дом был также местом неформальных встреч наших албанских гостей с их русскими друзьями и коллегами.

С самой Юлией Владимировной, благодаря ее превосходному знанию албанского языка и любви к стране, охотно общались не только албанские послы и академики, но и простые люди. Ее помнят и в горах Северной Албании, которые она посетила снова в 2004 г., почти через полвека после своих первых полевых экспедиций.

Мы же, ее друзья и коллеги, навсегда сохраним память об этом замечательном человеке.

© Этнографическое обозрение Online. Январь 2007
(<http://journal.iea.ras.ru/online>)